

Но конкретных фактов об этом не приводится, и ссылки на какой-либо документ отсутствуют. Действительно, в списках членов общества за 1918 и 1919 гг. значатся фамилии камчатских большевиков П. С. Маловечкина, Н. В. Холодова, М. П. Воловникова, Н. Т. Косицина, Д. Г. Барвинского [5], однако в его состав входили люди самых разных политических убеждений и общественного положения — чиновники, учителя, торговцы, промышленники. Большинство из них придерживалось общедемократических позиций. Существует еще одно интересное замечание в уже упоминавшейся заметке «Из жизни Общества “Просвещение”»: «В 1919 г. Общество “Просвещение” переживало тяжелый период гонения со стороны местных “Помпадуров”, которые даже сажали “на отдых” некоторых членов правления за вольнодумство» (в начале 1919 г. колчаковцы распустили Областной комитет в Петропавловске, как демократическую организацию, и восстановили в области дореволюционные органы власти).

Состав правления общества до августа 1919 г. установить не удалось. Известно, что в августе 1919 г. членами правления были избраны Холодов, Грызлов, Курбатов, Штерн и Воловников [6]. По уставу общества правление должно было включать пять человек, из которых, как известно, двое — Н. В. Холодов и М. П. Воловников являлись руководителями подпольного военно-революционного комитета. М. П. Воловников действительно подвергся аресту в мае 1919 г., а Н. В. Холодов в сентябре был выслан с Камчатки. Указанные выше факты дают возможность предположить (в отсутствие прямых свидетельств), что, возможно, действительно в Народном доме проходили собрания подпольщиков, но нельзя утверждать, что общество создавалось именно с этой целью.

В 1919—1920 гг. в обществе насчитывалось немногим больше 70 чел. [7]. Его работа заключалась, в основном, в периодической постановке спектаклей, показе кинематографических картин, организации научных лекций. Также общество начало приводить в порядок библиотеку Народного дома.

При обществе был организован ряд секций. В протоколе № 1 от 26 января 1920 г. заседания его правления указывалось: «Поручить каждому из членов правления принять на себя непосредственное руководство... работы по секциям: А. А. Кириллову — Научно-лекционную по организации общеобразовательных курсов, Д. Г. Барвинскому — Общеполитическую, а также литературно-издательскую, а также организация народного хора. К. И. Кодылеву — Театральную, детских и спортивных развлечений. Н. И. Цапову — Библиотечную, научно-изыскательскую, а также техническая работа на сцене. А. М. Ткаченко — Музыкальную и организацию народного оркестра» [8].

Впрочем, руководители секций часто менялись. На научно-изыскательскую секцию (которую иногда называли исторической) была возложена обязанность организации музея и сбора экспонатов. Судя по всему, создание му-

зая было предметом особой заботы общества. Уже на следующем заседании, 9 февраля, было решено: «Временно, до разрешения местной властью использовать специальное помещение для исторического Камчатского музея, приспособить комнату в Народном доме, освободив ее от разного инвентаря» [9]. В протоколе № 3 от 23 февраля 1920 г. говорилось: «Составить особый капитал Общества Просвещения “Средства на организацию музея в Камчатке и на научно-изыскательские исследования этнографии и истории Камчатки”» [10].

В номере «Известий» от 20 февраля 1920 г. было помещено объявление общества следующего содержания: «Камчатское культурно-просветительное общество “Просвещение”, стремясь к созданию в Петропавловске исторического музея как необходимого пункта для группировки всех богатств и даров по истории Камчатки, обращается с убедительной просьбой ко всем интересующимся историей Камчатки гражданам оказать свое непосредственное содействие оборудованию музея и сбору пожертвований старины и этнографических редкостей Камчатской области... Правление также с глубокой признательностью примет и материальные пожертвования на дело по организации исторического музея, ценность которого, несомненно, имеет огромное значение в жизни Камчатского края» [11].

Но в мае 1920 г. общество постановляет: «Признавая большое значение для области организации Камчатского отдела Русского Географического общества, именующей себя, впредь до инкорпорации в Приамурский отдел сказанного общества — Обществом изучения Камчатской области, — Правление Общества Просвещения признает необходимым в целях сосредоточивания средств и трудов в специальном Обществе географическо-исторического направления и, ликвидируя свою секцию Научно-изыскательскую, организованную 17 февраля 1920 г., передать имеющиеся средства в сумме 12 295 рублей, собранные по подписным листам, в непосредственное распоряжение Общества изучения Камчатской области» [12].

Театральная секция занялась организацией при обществе театрального кружка. После его организации (31 января 1920 г.) руководство секцией было возложено на президиум кружка, который состоял из пяти человек — председателя, секретаря, режиссера сцены, дирижера оркестра и регента хора. Видимо, театральный кружок работал достаточно активно — каталог постановок общества «Просвещение» насчитывает более 180 «русских и иностранных пьес», а также более ста «миниатюр» [13]. Причем, судя по анонсам, помещаемым на страницах местных газет, очень многие из них действительно были исполнены на сцене Народного дома.

На библиотечную секцию была возложена задача постановки библиотечного дела, и в результате ее работы 15 мая 1920 г. была открыта библиотека [14].

Председатель общества А. А. Кириллов в своем докладе Первому Петропавловскому уездному съезду, проходившему 17 марта 1920 г., указал «фор-

мы», в которых «Общество Просвещения мыслит способы проведения по области идей народного развития». Наиболее интересные из них — это предполагаемое в будущем создание «Передвижного народного университета» в виде «группы специальных лекторов по образованию, которые, периодически останавливаясь на небольшой срок, читают популярные лекции», «подбор до ста групп передвижных библиотек», организация нескольких групп «передвижного народного театра», устройство мобильных художественных выставок, организация легких передвижных оркестров, «которые будут иметь значение и обучения музыкальному искусству», организация специальных летучих отрядов «по исследованию Камчатской области в историко-этнографическом отношении, по собиранию экспонатов для Камчатского музея и его отделения» [15]. Но ни одна из этих идей на практике осуществлена не была.

Однако самым важным в работе общества в 1920 г. явилась организация общеобразовательных курсов. Для этого 28 января 1920 г. общество направило в педагогический совет Высшего начального училища г. Петропавловска письмо, подписанное председателем Кирилловым и секретарем Цаповым. В нем говорилось: «Правление Общества Просвещения в своих задачах по созданию способа распространения в народе образования имеет в виду организовать в Народном доме общеобразовательные курсы в программе среднеучебного заведения, для взрослых... Беря уверенность, что местный педагогический персонал, имея в своей среде идейных, деятельных и желающих нести знания в народные массы людей, не откажет принять искренно горячее участие в деле народного образования» [16].

Курсы были бесплатными, и педагоги, согласившиеся преподавать на них в свободное время, не получали за свою работу какой-либо платы. Классную доску для занятий позаимствовали в училище. Сохранилась записка А. А. Кириллова инспектору Петропавловского Высшего начального училища, в которой говорится: «Правление Общества Просвещение имеет честь уведомить, что переданная Вами во временное пользование на общедоступных курсах одна стоячая классная доска с признательностью получена правлением и будет возвращена по первому требованию» [17].

3 февраля 1920 г. состоялось заседание научно-популярной (общеобразовательной) секции, на которой были распределены уроки между преподавателями. Для преподавания было заявлено 18 дисциплин, включая такие, как минералогия, этимология, синтаксис и физиология [18]. Их вели педагоги П. Т. Новограбленов, А. Ф. Дубков, Б. Э. Пивинский, Б. А. Лукашев, Г. Д. Сосновский, Е. И. Воротникова, А. А. Ненсберг, А. А. Кириллов [19]. Впоследствии появились такие дисциплины, как гигиена и даже эсперанто. Расписание составил А. Ф. Дубков — председатель временного коллектива по управлению учебными заведениями Камчатской области.

Курсы открылись 25 февраля 1920 г. На открытии присутствовали «27 человек курсистов и 5 человек случайных посетителей». А. А. Кириллов ознакомил присутствующих с порядком чтения лекций: «по понедельникам, средам и пятницам с 6 часов вечера, по 3—4 лекции» [20], а педагоги П. Т. Новограбленов и Б. Э. Пивинский осветили программу естественных и физических наук, которые предполагалось читать на курсах. Первый урок прошел 27 февраля. Благодаря дежурным на образовательных курсах, в обязанность которых входило вести дневник, сохранились планы некоторых лекций и расписание на март 1920 г. Так, в течение этого месяца были прочитаны 43 лекции. 31 марта А. А. Ненсберг выступил с лекцией по истории Камчатки, план которой записала дежурная София Пак. План выглядел следующим образом: «Камчатка при боярской России. Ея первые исследователи и завоеватели. Казаки. Вольница. Войны с племенами, кочующими по Камчатке. Богатства края. Экспедиции. Воеводства. Прикашики от воевод. Угнетательство завоевателями туземного населения. Ясачные сборы. Губернаторы. Адмирал Завойко. Нападение на Петропавловск англо-французской флотилии. Что сделали для камчатских жителей начальники края. Вымирание коренного населения» [21].

Лекции носили научно-популярный характер и «иллюстрировались опытами, картами, пособиями» [22].

Работа курсов продлилась до мая 1920 г., когда правление общества вынесло решение о замене курсов лекциями на определенную тему и организации вечеров досуга. Это мотивировалось тем, что, «принимая во внимание, что регулярные курсы, организованные 25 февраля с. г., в конце своей работы собирали слишком незначительное количество слушателей, Правление находит более удобным, применительно к местным жителям, организовать постановку отдельных самостоятельных лекций на научно-общественные темы, соединяя их с музыкальными и вокальными выступлениями...» [23].

С деятельностью общества «Просвещение» была тесно связана работа «Украинского Гуртка» (более точное название — «Українскій Музично-Драматичній гурток при Хаті») — организации вполне самостоятельной, издававшей свою газету — «Рідне слово», организовывавшей литературные вечера и постановку спектаклей на украинском языке. 1 марта 1920 г. на заседании правления общества был заслушан доклад «о создании в городе Петропавловске “Украинской Хатки” от представителей украинской организации М. В. Вознаго, Д. Г. Барвинского и А. М. Ткаченко» [24], в связи с чем общество решило «работать в согласии и контакте с Украинской Хаткой», «предоставить Украинской Хатке полную национальную самостоятельность», «освободить помещение и предоставить в пользование Украинской Хатки переднюю комнату в Народном доме (рядом с библиотекой)». Кроме того,

все «имущество по сцене» объявлялось общим, а за пользование помещением, отоплением и освещением плата не взималась [24].

Первый спектакль был дан 28 марта 1920 г. Им стала «Хатня революция», срежиссированная Д. Г. Барвинским [22].

В целом можно отметить, что 1920 г. был периодом наиболее активной работы общества «Просвещение».

Основным источником дохода общества являлась денежная прибыль от постановки спектаклей. В протоколе заседания правления № 1 от 26 января 1920 г. указывалось: «Признать необходимым как самое верное средство для постоянных денежных оборотов постановку регулярно по воскресным дням платных народных развлечений: литературно-музыкальных вечеров с танцами, вечеров миниатюр с танцами и спектаклей...» [25]. Кроме того, члены «Просвещения» платили членские взносы, а среди жителей Петропавловска распространялись подписные листы для сбора пожертвований в пользу общества. В одном из протоколов заседаний правления за 1920 г. обсуждался вопрос «О реализации красной лисы, пожертвованной Апбиевым». Лису решили «продать с аукциона на спектакле 14 марта, считая ее основную оценку в 5 000 р., о чем сделать объявление» [26].

Несмотря на такие источники дохода, правление общества было вынуждено регулярно обращаться за материальной поддержкой к Камчатскому областному народно-революционному комитету, народной охране, Петропавловскому кооперативу, Морскому ведомству для получения ссуд, угля, дров.

В конце 1920 г. общество, видимо, оказалось в очень стесненных материальных обстоятельствах. Об этом свидетельствует письмо, подписанное А. И. Бабкиным-Байкаловым, ставшим председателем правления общества после А. А. Кириллова, и направленное в адрес Камчатского областного народно-революционного комитета. «Правление культурно-просветительного общества “Просвещение” в заседании своем от 22 декабря 1920 г., намечая план дальнейшей культурно-просветительной работы общества, пришло к заключению, что финансовый кризис вообще и в частности отсутствие денежных средств у общества ввиду постановки спектаклей в кредит и неимение дров для отопления Народного дома ставит общество не только в тяжелое безвыходное положение, но и вынуждает его прекратить дальнейшую культурно-просветительную работу». Здесь же изложена просьба: «... правление вынуждено покорнейше просить Камчатский областной народно-революционный комитет отпустить заимообразно обществу сто пятьдесят (150) Иен и две сажени дров для отопления Народного дома» [27]. На письмо красными чернилами наложена резолюция И. Е. Ларина: «Отпустить одну сажень дров. В отношении иен изыскать таковые, откуда возможно, до ста иен».

В это же время (25 декабря 1920 г.) общество направило в Петропавловскую городскую Думу отношение за № 162 о том, «что бы сложить с него все

числящиеся недоимки и долги за пользование зданием Народного дома и электрической станцией и в будущем не требовать арендной платы и 10 % отчисления в пользу города от спектаклей и т. п., а также о выдаче из средств городского самоуправления обществу ссуды в сто рублей (100 иен) и материалов для ремонта здания» [28].

Петропавловская городская Дума, обсудив отношение, постановила: «1. Все числящиеся Городскому Самоуправлению с Общества Просвещения долги и недоимки за здание Народного Дома, за время с 1-го февраля 1920 г. по 1 февраля 1921 года, списать полностью; 2. Поручить Управе самостоятельно заключить условие... на сдачу народного Дома с электрической станцией на время с 1-го февраля 1921 г. по 1-е февраля 1922-го года без взимания арендной платы» [28].

Городским головой в это время был Е. А. Колмаков, он также являлся и членом общества. Интересно, что вслед за этим, 9 февраля 1921 г., на заседании правления общества Колмакову было предложено вступить в члены правления, однако он отказался. И хотя в 1920 г. общество не было закрыто, вопрос об изыскании материальных средств всегда стоял для него очень остро. Наверное поэтому, 6 февраля 1921 г. на общем собрании «принципиально было единогласно принято твердое решение, что членами Общества могут быть только граждане, принимающие активное участие в работе общества и непосредственно содействующие общему делу в секциях образовательной, театральной и библиотечной. Работа члена общества должна выражаться: в регулярном дежурстве по Народному дому, очередном наблюдении за хозяйством, участием в спектаклях в качестве исполнителей и сотрудников на сцене по постановке, ремонту и художественным работам декораций, в постановке лекций и литературно-музыкальных вечеров личным участием и хлопотами по устройству в пожертвовании лично или сборе для Народного дома мелких домашних ненужных вещей для сцены, в работе по общему порядку библиотеки и прочее» [29].

Последнее упоминание об обществе «Просвещение» содержится в разделе «Хроника» газеты «Камчатский листок» № 5 от 29 января 1922 г.: «Любителями Об-ва “Просвещение” к постановке готовится драма “Ложь”».

Точной даты прекращения деятельности общества установить не удалось. В 1923 г. в Народном доме уже обосновался Клуб имени III Интернационала, при котором тоже существовал театральный кружок, устраивались митинги и доклады во время пролетарских праздников, — в общем-то, этим деятельность клуба и ограничивалась. О причинах закрытия общества «Просвещение» можно только догадываться. Возможно, свою роль сыграли и финансовые проблемы, а также то, что в конце 1922 г. на Камчатке окончательно была установлена советская власть, которой на тот момент времени требовалась организация, занимающаяся не культурно-просветительной, а агитационно-пропагандистской работой.

ИСТОЧНИКИ

1. Камчатский вестник. — 1918. — № 133.
2. Там же, № 119.
3. Там же, 1919. — № 201.
4. Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985). — Петропавловск-Камчатский, 1986. — 360 с. — С. 19.
5. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 9—10.
6. Камчатский вестник. — 1919. — № 311.
7. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 10—11.
8. Там же, л. 13.
9. Там же, л. 16.
10. Там же, л. 18.
11. Известия Камчатского Областного Военно-Революционного комитета. — 1920. — № 34.
12. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 25—26.
13. Там же, л. 219—225.
14. Там же, л. 29.
15. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 11, л. 158 об.
16. Там же, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 41.
17. Там же, л. 153.
18. Там же, л. 43.
19. Там же, л. 159.
20. Там же, л. 161.
21. Там же, л. 182.
22. Известия Камчатского Областного Совета трудового народа. — 1920. — № 74.
23. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 26.
24. Там же, л. 20.
25. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 13.
26. Там же, л. 21.
27. Там же, л. 8.
28. Там же, л. 284.
29. Известия Камчатского областного исполнительного комитета». — 1921. — № 12 (Приложение от 12 марта).

**ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИИ И КАМЧАТКЕ**

НАЧАЛО МОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В XVI — XVII вв. систематическое общее и профессиональное образование в России отсутствовало. Как сообщает одно старое издание, «тогдашний русский человек как-то сам собой навывкал святыя книги чести, пройдя азбуку и усвоив механизм чтения у какого-нибудь мастера, посвятившего себя делу научения отроков грамоте...» [1, с. 510].

Знания, получаемые таким путем, были крайне скудны. Особенно это касалось математических и астрономических начал, наиболее трудных для усвоения. Ремесленники различных специальностей готовились путем практической выучки, за которой, как правило, не стояли никакие общеобразовательные основы. Потребность государства в систематической школьной подготовке проявлялась тогда в другой сфере — богословской. Во второй половине XVII в. активно проводилась реформа, приведшая к расколу церкви и сопровождавшаяся возникновением различных «ересей». К тому же в стране постепенно увеличивалось число иностранцев, то есть «иноверцев».

Стремление правительства исправить накопившиеся за сотни лет недостатки в церковном устройстве и противостоять иноземному влиянию вызвало желание иметь грамотных проводников истинного православия. Для этого было решено организовать богословскую школу по образцу действовавшей в Киеве, готовившую учителей и проповедников. Новая школа получила название «Славяно-греко-латинская академия». Она была учреждена в конце 1687 г. и имела на первых порах около сотни учеников. Кроме нее существовала еще и Киевская академия [1, с. 524—525]. Обе академии явились прообразами отечественных высших учебных заведений гуманитарного профиля.

В конце XVII в. Россия пошла путем преобразований, призванных поставить ее в ряд европейских держав. Одним из главных направлений на этом пути стало создание отечественного флота, как военно-морского, так торгового и промыслового, которое принято связывать с многогранной и кипучей деятельностью Петра I, хотя мореходством и морским промыслом русские занимались с незапамятных времен. Но теперь из частного дела это превратилось в важнейшую государственную задачу. Внешняя торговля была в основном монополизирована. Для обеспечения «морского торгу» сооружались порты в Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Архангельске и Астрахани.

Постройка флота требовала изменения сложившейся в стране экономической системы: развития промышленности, расширения ресурсной базы, потребной для сооружения судов и укомплектования их всем необходимым, совершенствования внутренних путей сообщения и прочего. Требовалось и создание системы подготовки кадров: судостроителей, технического, вспомогательного персонала и собственно моряков. Государство нуждалось в знающих корабельных мастерах, инженерах, офицерах и подготовленных матросах. Царь Петр, приобретший математические познания, научившийся пользоваться астролябией, понявший фортификацию и артиллерию, изучивший кораблестроение, стал требовать того же и от своих подданных.

Органом, которому надлежало стать не только центром судостроения и комплектования флота, но и налаживаемой системы обучения кадров «на всякие гражданские потребности», явился Адмиралтейский приказ. Фактически он должен был решить задачу по созданию в русском обществе образованного слоя, способного руководить страной.

Самых ранних русских матросов Петр I набрал из преображенских «потешных». Одними из первых профессиональными моряками стали капитан Ипат Муханов, Иван и Наум Сенявины, практически изучившие морское дело на голландских и английских военных судах. В большом количестве настоящие моряки, то есть люди, приставленные исключительно к морскому делу, впервые появились на судах азовской флотилии в 1700 г., когда в матросы были записаны 1 105 солдат. Первый же специальный набор матросов был произведен в 1702 г., их число составило 1 694 чел. [1, с. 150].

Единицы имевшихся у царя грамотных помощников не могли осуществить задуманные им реформы. Заботы Петра об обучении личного состава будущего флота начались в 1690-х гг., когда три партии стольников отправились в Венецию, а четвертая — в Англию и Голландию знакомиться с «навигацией» и обучаться «всякого рода наукам». Стольники отбыли за границу на свои средства. Никто из них под угрозой потери имущества не мог вернуться без документа о приобретенных знаниях и умениях. По возвращении стольников царь лично экзаменовал их. Результат этого опыта подготовки отечественных моряков оказался более чем скромным: экзамен выдержали всего четверо. Более удачной оказалась «посылка» в составе тридцати человек, отправленных вместе с царем в Англию и Голландию.

Однако вскоре стало ясно, что проблему подготовки кадров путем обучения небольшого количества людей за границей решить невозможно. Такой способ явно не соответствовал масштабам задуманных преобразований. По предположениям видного деятеля в области морского образования Х. Вальдемара, Петр I впервые высказался о необходимости создания морских школ в России в беседе с амстердамским бургомистром во время пребывания в Голландии [2].

В Москву были приглашены англичане, знатоки математических наук и теории морского дела. Указом Петра от 14 января 1701 г. в Москве в Сретенской (Сухаревой) башне было открыто первое морское учебное заведение России. Его руководителем, правда, больше номинальным, стал адмирал Ф. Головин. Всю организационную работу по созданию «школы математических и навигацких наук» вел дьяк Оружейной палаты А. Курбатов. Приезжие англичане стали обучать «добровольно хотящих паче же с принуждением набираемых» молодых людей «математическим и навигацким, то есть мореходным хитростным искусствам». В школе проходили арифметику, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, навигацию, морскую астрономию, географию. Кроме того, желающим преподавалась «рапирная наука».

Для подготовки к изучению этого курса при школе были организованы два начальных класса. Первый, в котором учили читать и писать по-русски, назывался «русской школой». Вторым, где изучали счет с использованием арабских цифр, именовался «цифирной школой» [1, с. 526].

Надзирал за воспитанниками первый русский математик, автор самого раннего отечественного руководства по арифметике Леонтий Магницкий. Дисциплина в школе была весьма суровая. За прогулы на учеников возлагали штраф, тех, кто не платил, пороли. За побег грозила смертная казнь, за просьбу родителей освободить детей от занятий — каторга [3]. Система телесных наказаний и штрафов, скудное снабжение, холод в помещениях Сухаревой башни усложняли учебу, но вырабатывали у будущих мореходов умение подчиняться приказам, терпение и настойчивость.

Первый выпуск школы в составе 64 чел. состоялся в 1705 г. За первые пятнадцать лет она обучила десятки специалистов различных профессий. Многие из них успешно заменили на ответственных постах иностранцев. Из нее вышли не только моряки, но и инженеры, артиллеристы, учителя для других школ, архитекторы. В 1710 г. в одном из указов Петр I подчеркивал: «Школа оная не только потребна единому мореходству, но и артиллерии и гражданству к пользе» [4].

Московская навигацкая школа сыграла выдающуюся роль в становлении как морского, так и общего образования в России. По ее примеру в 1712 г. в Москве были основаны еще две школы: инженерная и артиллерийская [1, с. 529—530].

1 октября 1715 г. старшие классы навигацкой школы были переведены поближе к морю в новую столицу государства — Санкт-Петербург, где из них образовали Морскую академию. Оставшиеся в Москве младшие классы стали по отношению к академии подготовительным учебным заведением. Отныне навигацкая школа утратила свое прежнее значение — центра российского морского образования — и стала обычной «цифирной», в которой слушателям давался несколько больший объем математических знаний.

Численность воспитанников Морской академии устанавливалась равной 300, а навигацкой школы — 500 чел. [1, с. 535]. Академия готовила командный состав флота по судоводительской, геодезической и картографической специальностям. Ее выпускникам присваивалось звание «гардемарин», происходившее от французского словосочетания *garde-marine*, то есть «морская гвардия».

В отличие от навигацкой школы, в Морской академии с момента ее открытия был введен уставной распорядок военно-морского учебного заведения. Воспитанники несли караулы и дежурства, гвардейские офицеры проводили с ними строевые занятия. Составленная Петром I и впоследствии уточненная Адмиралтейским регламентом программа обучения носила чисто профессиональный характер и, в частности, гласила: «Во Академии учить наукам, а именно: артиллерии, навигации и фортификации, шанцам и ретраншеентам (шанцы — временные полевые укрепления в виде многоугольников, ретраншементы — вспомогательные фортификационные сооружения второй линии обороны. — С. Г.), географии и воинским обучением с мушкетами совершенно...»

Если вначале воспитанники учились, в основном, по переводным иностранным учебникам, то уже в первой четверти XVIII в. появились первые русские оригинальные сочинения по математике и технике Л. Магницкого, Г. Скорнякова-Писарева и К. Зотова. Это стало шагом вперед, хотя новые книги сохраняли все недостатки учебников того времени, отличаясь тяжелой, трудной для понимания манерой изложения, отсутствием доказательств, подачей материала в виде вопросов и ответов [5].

Большинство книг, издававшихся в России в первой четверти XVIII в., было посвящено флотской тематике. Их подавляющую часть представляли переводные, преимущественно голландские, издания, содержавшие изложение уставных положений и основ морского дела. Заключительная часть первого отечественного математического сочинения Л. Магницкого «Арифметика, сиречь наука числительная», в которой, по словам автора, он «разум весь собрал и чин природно русской, а не немчин», содержит сведения о флоте. Работа вышла в 1703 г. как учебник для навигацкой школы. Значительно позже — в 1720-х гг. — появились «Книга устав морской», «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи», «Разговор у Адмирала с капитаном о команде, или полное учение како управлять кораблем во всякие разные случаи». Всего за время правления Петра I в России вышло более двадцати книг на морские темы [5а].

Казенные Морская академия и навигацкая школа, готовившие технических специалистов и командные кадры, явились предшественниками всех современных высших и средних технических учебных заведений. Под руководством выпускников навигацкой школы и моряков, имевших практический

опыт плавания, в Санкт-Петербурге, Сестрорецке, Кронштадте, Новгороде, Нарве, Ревеле, Риге, Казани, Астрахани, Тарове (под Воронежем) и в других городах по инициативе сподвижника Петра I адмирала Ф. М. Апраксина были открыты «адмиралтейские школы». Учеников в них бесплатно обучали грамоте, арифметике, началам судостроения и артиллерии. Срок обучения зависел от опытности учителей, но не превышал одного года или двух лет. Учителям платили из казны по 10 коп. в день. Для сохранения численности учащихся до окончания школы им не разрешали жениться [5].

В целом обе академии — Морская в Санкт-Петербурге и Славяно-греко-латинская в Москве — положили основание целой сети начальных общеобразовательных школ в городах России. В том же году, когда из старших классов навигацкой школы была сформирована Морская академия, Петр велел отправить в губернии по два ученика школы, изучивших геометрию и географию «для науки молодых ребят из всяких чинов людей». В 1716 г. школы были открыты в 12, а к 1722 г. — в 42 городах. Так как здесь обучали в основном арифметике и геометрии, то их стали называть «цифирными школами» [1, с. 538]. Цифирные школы стали основой государственного начального образования, а адмиралтейские создали сравнительно грамотный костяк младших специалистов флота.

Таким образом, в начале XVIII в. в России имелись учебные заведения трех типов: гуманитарные (богословская Славянско-греко-латинская академия), технические (Морская академия, навигацкие школы) и общеобразовательные (цифирные и адмиралтейские школы, позже — гимназии) [1, с. 530, 535].

Они возникли как государственные учреждения, служащие целям, государством же определенным. Преимущественное развитие получила техническая школа, дававшая знания в тех областях, которые в тот момент требовались стране. Общеобразовательные сведения она сообщала в минимальных объемах, охватывавших лишь общие принципы наук.

Задачу подготовки моряков сформулировали Морской устав и Адмиралтейский регламент. Она должна была решаться комплексно: теоретическая учеба на берегу дополнялась плаваниями на судах. Так следовало готовить не только командный состав, но и рядовых моряков. Этот принцип обучения в морских учебных заведениях остается основным и поныне.

Поставленная задача была выполнена к концу правления Петра I. На протяжении первых двух десятилетий с момента организации отечественного флота на нем служило много иностранцев разных чинов: от матросов до адмиралов. Но по мере того как офицерами становились русские, прошедшие обучение за границей и в России, и появлялись команды обученных русских моряков, прием на службу иностранцев сокращался. К завершению Северной войны все матросы-иностранцы были уволены, и в 1720 г. в числе 7 205 рядовых моряков русского флота не имелось уже ни одного иноземца.

В 1723 г. адмирал Крюйс, сам голландец по происхождению, писал: «По моему мнению, ни одного иноземца в офицеры не надлежит принимать, который не был бы добрым штурманом, понеже здесь и своих русских офицеров довольно есть» [1, с. 151—152].

С созданием в Санкт-Петербурге Морской академии четко обособилось военно-морское образование. Гражданское морское образование развивалось медленно, хотя российское правительство понимало, что ему требуются кадры не только военных, но и гражданских моряков. В одном из документов, подписанных императрицей Екатериной II еще в 1782 г., говорилось: «...приложить старания о заведении по городам, откуда отправляется купеческое водохранилище, водохранилищ школ» [4]. Здесь должны были готовить будущих шкиперов и штурманов. Но сеть гражданских мореходных классов была организована лишь в следующем XIX в.

ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Движение россиян «встречь солнцу», то есть к тихоокеанскому побережью, началось еще в XVII в. В следующем, XVIII, веке оно приобрело целенаправленный характер, превратившись в одну из важных потребностей страны. Появление и развитие морских и рыбопромышленных образовательных учреждений на дальневосточной окраине России тесно связано с открытием, исследованием и экономическим освоением этого громадного региона.

Первым из них стала *Охотская навигацкая школа*, созданная в 1732 г. по инициативе великого мореплавателя В. Й. Беринга. В 1730 г. Беринг подал «на Высочайшее имя» записку о необходимости «обучения в Охотске и Камчатке молодых казачьих детей для морского пути». Предложения Беринга были приняты, и ответом на них стал царский указ «из казацких детей молодых обучать морскому ходу».

29 апреля 1731 г. правительствующий Сенат дал указание Сибирскому приказу подготовить на основе идей Беринга надлежащие документы. Сибирский приказ разработал инструкцию для командира недавно образованного Охотского порта Г. Скорнякова-Писарева, некогда бывшего директором Санкт-Петербургской Морской академии. Два пункта этой инструкции имеют прямое отношение к морскому образованию: «21) Штурманов человек трех и матросов человек шесть велено послать из адмиралтейства, к которым придать из казацких детей молодых и обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завести... 23) ...а в Охотске хотя бы народную школу не для одной грамоты, но и для цифиры и навигации завести тебе Писареву и жалование малое для содержания учеников давать, из чего могут люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться...» [6, с. 7].

Спустя год в Сибирь прибыли посланные Адмиралтейств-коллегией штурманы И. Бирев, С. Хитрово и А. Дементьев с шестью матросами, которым было велено «обучать матросской должности» детей охотских казаков. Но в Охотске они не попали, оставшись в Якутске. До Охотска значительно позже — к концу 1735 г. — доберется один И. Бирев.

Охотский начальник Г. Скорняков-Писарев, сосланный сюда по обвинению в заговоре против всевластного А. Меншикова, с устройством школы не спешил. Как указывал П. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири», опубликованном в 1838 г., «начало Охотской навигацкой школы, в которой полагалось учить грамоте, арифметике, навигации и другим вспомогательным предметам, относится к 1732 г., но по малому числу детей и по недостатку наставников школа могла оказать успехи нисшей степени».

В 1740 г. Скорнякова-Писарева в должности командира Охотского порта сменил А. Девиер, бывший граф, генерал-аншеф и обер-полицмейстер Санкт-Петербурга, лишенный чинов и званий, который, кстати сказать, проходил с ним по одному делу. После этого дело устройства морского образования сдвинулось с мертвой точки. Девиер организовал народную школу для детей нижних чинов, в которой уже в 1741 г. под руководством попа-расстриги Я. Самгина грамоте, арифметике и рисованию обучались 21 чел. разных сословий [7, с. 57]. Но навигацкой школой это учебное заведение еще не являлось из-за нехватки учителей и полной безграмотности учеников.

В 1742 г. Скорняков-Писарев и Девиер были освобождены из ссылки и помилованы. Назначенный командиром Охотска премьер-майор А. Зыбин также принял меры к развитию народного образования. 27 августа 1748 г. он обратился в Сибирский приказ с просьбой: «Для обучения команд Охоцкого порта служащих детей цифири и некоторой части геометрии прислать в Охоцк одного человека студента искусного и те науки знающего, снабдя его книгами арихметикой и геометрией и с принадлежащими к тому инструментами... дабы здесь команд Охоцкого порта служителей дети без обучения не остались дураками, и по употреблению в службе ея императорского величества могли всегда годны быть» [7, с. 67].

Охотск стал первым российским портом на тихоокеанском побережье. Отсюда суда Охотской флотилии ходили на Камчатку, перевоза продовольствие, людей, военные грузы. Осенние плавания по Охотскому морю были весьма опасны: только в 1753—1755 гг. из-за непогоды у берегов Камчатки потерпели крушение пять судов и погибли более 40 чел. [7, с. 68]. Все это подтверждало необходимость готовить моряков, знакомых со сложными местными навигационными условиями.

В 1765 г. при поддержке сибирского генерал-губернатора В. А. Мятлева, бывшего моряка, охотская народная школа была реорганизована в навигацкую. В предписании лейтенанту Хметевскому Мятлев приказал готовить де-

сять человек «так, чтобы они, будучи в обучении, могли для надобных здесь к мореплаванию служителей вступить в навигацкие науки» [8, с. 13]. Среди преподавателей Охотской навигацкой школы были такие опытные мореходы, как М. Неводчиков и лейтенант И. Синдт.

В 1767 г. в Охотске находился 31 ученик разных специальностей. Они получали годовое денежное содержание в размере от 12 руб. 60 коп. до 120 руб. В 1776 г. здесь числилось «учеников навигацкой школы — 20, школьников — 20». В 1777 г. по представлению нового командира Охотского порта отставного капитан-лейтенанта С. И. Зубова был утвержден штат навигацкой школы на 20 учеников с годовым жалованием по 54 руб. [6, с. 10—11].

В 1780 г., после того, как наводнение разрушило Охотск, навигацкую школу временно перевели в Гижигу. Здесь она оставалась до 1785 г. Школу курировал сменивший Зубова коллежский асессор Бензинг, стремившийся придать ей общенародный характер за счет приема детей из казачьих и солдатских семей, а также сирот.

Осенью 1780 г. Бензинг доносил иркутскому губернатору о том, что состояние школы, размещавшейся в больнице, неудовлетворительное, у нее нет необходимых книг. Кроме того, в Охотске находились 123 ребенка, не имевших достаточного присмотра и воспитания. Бензинг на пожертвования организовал общенародную школу, навигацкую школу перевел в дом умершего поручика, назначил надзирать за ней лейтенанта Юрлова, привлек к преподаванию служивших в Охотске офицеров, принял шесть новых учеников взамен неспособных к обучению [9].

Пытаясь улучшить качество образования, Бензинг ввел ежемесячные и ежеквартальные экзамены, изучение латинского, французского и немецкого языков. Он первым поставил вопрос о правомерности существования Охотской навигацкой школы «как учреждения узкопрофессионального, ориентированного лишь на подготовку морских специалистов и не удовлетворяющей потребности других ведомств в грамотных кадрах».

Очередной старший местный администратор — комендант Охотска полковник Г. А. Козлов-Угренин по ходатайству местного мирового судьи Коха просил иркутского губернатора прислать для навигацкой школы учителя, книги и инструменты. А сам тем временем, «чтобы не довести до упадка этого полезного учреждения», назначил в нее учителем штурманского ученика Должантова. Губернатор из-за отсутствия средств переадресовал это дело в Сенат. Только после царского разрешения с 1 января 1790 г. правительство начало выделять ежегодные ассигнования в сумме 4 274 руб. [6, с. 11].

Сменявшие друг друга в должности коменданта Охотска армейские офицеры уделяли школе недостаточное внимание. В 1796 г. она была закрыта, но спустя три года вновь заработала, будучи сведена в «Охотскую четвертьроту штурманских кондукторов, кадет и кантонию» со своим уставом. В нем

говорилось: «Цель образования этой роты, или училища, есть снабжение Охотской флотилии знающими свое дело и опытными кондукторами, к которому присоединяется снабжение Порта по различным должностям: вахтерам, писарям и команды унтер-офицерами».

В 1801 г. начальником порта в Охотске был назначен капитан-лейтенант Бушуцкий. Адмиралтейств-коллегия поручила ему привести школу в порядок и направила туда для преподавания морских наук штурмана. В декабре 1803 г. Бушуцкий представил штат школы в составе четырех учителей и пятидесяти учеников и смету на постройку здания, однако эти документы вернули на доработку. Генерал-губернатор Селифонтов на запрос товарища (заместителя) министра Морских сил России П. Чичагова ответил, что Охотская школа бесполезна. В 1802 г. Адмиралтейств-коллегия поручила вице-адмиралу Фомину составить новое положение о школе. Тот тоже считал, что она не нужна, и для Охотска следует готовить специалистов в Иркутской навигацкой школе, но с ним не согласились.

Начальнику Охотского порта поручалось наладить подготовку штурманов для казенных транспортов и судов Российско-Американской компании. На это ассигновалось 1 040 руб. в год. Но Бушуцкий организовал обучение лишь на кампанию 1807 г., выделив для этого штурмана Потапова. На следующий год ребят учил у себя на квартире штурман Борисов [9].

В 1809 г. Охотский порт возглавил капитан-лейтенант М. И. Миницкий. Его трудами школа была приведена в отличное состояние. Миницкий доложил иркутскому губернатору Трескину о том, что дети охотских служителей похожи на беспризорников. Он обмундировал 27 учеников и запросил у Адмиралтейств-коллегии средства на содержание 35 воспитанников. Не получив поддержки, он на свои деньги и пожертвования приобрел учебники и необходимые припасы, завершил сооружение здания, сам преподавал и осенью сообщил о том, что надеется через два года выпустить первых штурманов.

Трескин, получив донесение Миницкого, в сентябре 1811 г. подготовил штат школы, которая должна была готовить мореходов и корабельных мастеров и находиться в распоряжении иркутского гражданского губернатора. Двадцать учеников следовало набрать из детей нижних чинов и числить их на действительной службе. Ввиду невозможности финансирования школы в военные годы, генерал-губернатор И. Б. Пестель в 1813 г. по ходатайству Трескина разрешил использовать на это часть средств, выделяемых на содержание порта [9].

Надзор за учениками поручался смотрителю, назначаемому из флотских офицеров. В школе должны были преподаваться Закон Божий, грамматика, каллиграфия, арифметика, геометрия, тригонометрия, алгебра, навигация, астрономия, геодезия, топография, история, статистика, корабельная архитектура, черчение планов и карт, рисование.

Преподавание велось хорошо, большинство учеников после выпуска становилось помощниками штурманов, а иногда и штурманами. Так, в 1812 г. шестеро выпускников, прошедших практику на шлюпе «Диана», ходившем в далекие плавания по Охотскому морю и Тихому океану, получили право самостоятельно водить транспорты, то есть стали штурманами. Кроме штурманов, школа готовила корабельных мастеров.

Обязательным элементом обучения являлась учебная практика на судах, ежегодно посещавших Камчатку, и на судостроительных верфях. Успешно окончившим полный курс и сдавшим установленные экзамены в присутствии всех находившихся в данный момент в Охотске флотских офицеров давались назначения, в зависимости от степени успехов, в подштурманы или штурманы, а судостроителям — в корабельные мастера или подмастерья [7, с. 112—113].

В 1818 г. школой, в которой обучались 67 чел., руководил лейтенант князь Шаховский, который вел уроки истории, географии и рисования. Кроме него преподавали моряки со стоявших в порту судов. В 1822 г. троих воспитанников подготовили как штурманских учеников [9].

С 1812 по 1831 гг. школа выпустила штурмана, штурманского помощника, десять штурманских учеников, четверых писарей, семь баталеров, восемь фельдшеров и аптекарских учеников, шестнадцать кондукторов. Из числа кондукторов семеро готовились к экзамену на получение офицерского звания, но только двум из них — Олесову и Самойлову — удалось стать офицерами корпуса флотских штурманов. Кроме этого, из стен школы выходили просто грамотные люди, которых на Дальнем Востоке в то время остро недоставало.

Учебное заведение имело библиотеку, насчитывавшую в 1823 г. 344 книги. Для пополнения книжного фонда офицеры Охотской флотилии в 1830 г. основали общественную библиотеку, содержащуюся на вычеты из их жалования. Благодаря этому к 1850 г. библиотека располагала уже 2 151 книгой.

Воспитанники Охотской школы носили присвоенную им особую форму: мундир и брюки зеленого цвета, красные погоны. Черный воротник был оторочен красным кантом, зеленая бескозырка имела два оранжевых канта. На серой шинели в ряд были нашиты шесть пуговиц, на мундире — также в ряд располагались девять пуговиц [7, с. 121—123].

В 1847 г. школу переименовали в Штурманское училище. В нем в это время состояли двенадцать штурманских учеников. Плавательную практику они проходили: в первом классе — подштурманами, во втором — штурманскими учениками, а после третьего выпускались штурманами офицерского ранга. Здесь же имелись и тринадцать кантонистов, выпускавшихся по окончании обучения с производством в кондукторы (при наличии опыта плавания и после сдачи экзамена — в прапорщики) [6, с. 12—13].

В конце июля 1849 г. на Камчатке побывал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, высоко оценивший достоинства Авачинской губы. Здесь у него окончательно созрела мысль о необходимости сделать Петропавловск главным тихоокеанским портом России. Итогом поездки Муравьева стал перенос неудобного Охотского порта в Петропавловск и императорский указ от 2 декабря 1849 г. об образовании самостоятельной Камчатской области во главе с военным губернатором. В феврале 1850 г. им был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко. Перевозка хозяйства Охотского порта в Петропавловск началась в 1850 г. В этом году Штурманское училище в Охотске имело 24 воспитанника.

Выпускники училища были востребованы. Известный исследователь К. Дитмар, побывавший на Камчатке в середине XIX в., так описывал свою встречу с тендером «Камчадал», которым летом 1853 г. командовал лейтенант корпуса штурманов А. М. Чудинов. Судно было построено в 1843 г. на Ситхе для службы на Камчатке. «Ему было предоставлено право носить русский военный флаг, и, пожалуй, лишь это одно напоминало в нем военное судно; дисциплина и опрятность, к сожалению оставляли желать много лучшего. Капитаном этого судна состоял А. М. Чудинов... Он происходил из низшего сословия, родился в Охотске и получил образование в местном штурманском училище... Под его командой состояли: один штурман — кадет Кокорин, два унтер-офицера и двенадцать матросов» [10, с. 403—404].

Вторым учебным заведением на востоке страны стала *Якутская навигацкая школа*. В 1734 г. В. Й. Беринг, проезжая через Иркутск, нанял здесь для задуманной им на Камчатке школы преподавателя Гейдерейха. В 1736 г., когда Гейдерейх прибыл в Якутск, Беринг поручил ему организовать обучение казачьих детей арифметике, геометрии, тригонометрии и навигации. Однако в течение трех лет учеников набрать не удавалось. Прибывший в 1739 г. советник Адмиралтейств-коллегии В. Ларионов насильно собрал в Якутске для обучения в школе 110 казачьих детей в возрасте от шести до пятнадцати лет. Оставаясь в Якутске по делам Камчатской экспедиции, он наблюдал за их обучением и в феврале 1741 г. отобрал 25 чел., способных постигать навигацкие науки.

Школа не имела ни пособий, ни инструментов. Ларионов обратился в Адмиралтейств-коллегию, которая прислала учебники, циркули, квадранты и другие навигационные приспособления. Проблемы возникли и с преподавателями. Гейдерейх, которому вначале не платили, а в 1741 г. выдали лишь половинное содержание, оставил школу. Кроме того, он не был сведущ в морских науках. Сменившие его учителя тоже не получали содержания, учеба шла плохо, и через пять лет школа закрылась.

В 1765 г. якутский губернатор Чередков направил иркутскому губернатору представление о восстановлении учебного заведения. Учитывая, что

Иркутская навигацкая школа далека от Якутска, Сенат указом от 18 сентября 1765 г. постановил основать в Якутске школу для сорока боярских и казачьих детей. Через два года учеников набрали, из Иркутска прислали инструменты, но назначенный учитель умер, и его сменил штурманский ученик Турчанинов. Этот сержант владел морскими науками лишь до ведения морского журнала. Однако он старательно обучил шестерых учеников тому, что знал сам. Еще восемь воспитанников осваивали арифметику и геометрию. Турчанинова решили сменить, но потом вернули, скорее всего, из-за отсутствия более подходящих учителей. В 1777 г. в школе состояли 22 ученика: 14 — изучали навигацию, восемь — арифметику и геометрию.

В 1783 г. школу передали иркутскому приказу общественного призрения и перестали выделять средства на ее содержание. После семилетней переписки генерал-губернатор И. А. Пиль, не найдя денег, в 1791 г. распорядился сделать последний выпуск: трое старших учеников стали сержантами геодезии, остальных распределили на различные должности. 13 октября 1792 г. Пиль донес генерал-прокурору Сената об окончательном закрытии школы [6, с. 7; 9].

В 1754 г. по распоряжению сибирского генерал-губернатора адмирала В. А. Мятлева на средства Амурской (Нерчинской секретной) экспедиции, задачей которой являлось создание в Нерчинске речной флотилии, изучение Амура, строительство здесь порта и верфи, открываются *школы навигации и геодезии в Иркутске и Нерчинске*. Они и стали первыми настоящими морскими учебными заведениями на востоке России.

Иркутская школа навигации и геодезии, появившаяся на базе существовавшей еще с 1740-х гг. школы геодезистов, фактически стала первой, готовившей штурманов коммерческого флота. Ее директором был назначен чиновник Есипов, преподавателями подпоручик А. Юсупов, прапорщик И. Бритов, штурман М. Татаринов и три японца, учившие воспитанников своему языку. Пятеро из одиннадцати выпускников этой школы уже в 1758 г. были направлены для практического обучения в Охотск штурманами на суда.

В Нерчинской навигацкой школе в августе 1765 г. учились 35, а через год — уже 59 чел. Вначале здесь преподавал Ф. И. Соимонов. С 1756 до марта 1759 г. учителем был «подмастерье в поручичьем чине» А. Юсупов, потом — штурман И. Бритов. Оба до этого были учителями Иркутской школы. В августе 1765 г. 39 учеников Нерчинской школы перевели в Иркутск, объединив оба учебных заведения в одно. Его директором стал И. Бритов. В 1768 г. совместный выпуск обеих школ составил 84 чел., 22 из которых стали штурманами, а пятеро — подмастерьями ластовых судов, то есть кораблестроителями.

К 1787 г. Иркутская школа пришла в упадок: в ней не было ни одного учителя навигации, прекратился набор воспитанников. В 1795 г. ее присоединили к главному городскому народному училищу, открытому в 1787 г. [6, с. 9—12].

В общей сложности Нерчинская и Иркутская школы выпустили 220 специалистов различных отраслей знания, в том числе и штурманов [11, с. 12].

На протяжении второй половины XVIII в. на востоке страны действовали четыре навигацких школы. Помимо специалистов, пригодных для нужд мореплавания и судостроения, они готовили кадры для военного и горного ведомств и в целом повышали образовательный уровень местного населения. С 1797 г. военный статус учеников навигацких школ был сменен на гражданские чины [6, с. 15].

Единственной из четырех в XIX в. перешагнула Охотская навигацкая школа, ставшая специализированным штурманским училищем и явившаяся предшественником всех ныне действующих на Камчатке морских учебных заведений.

ПЕРВЫЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА КАМЧАТКЕ

Летом 1740 г. экспедиция В. Й. Беринга основала «гавнь Святых апостол Петра и Павла» на берегу Авачинской губы. Главными проблемами, осложнявшими существование нового российского порта, являлись отсутствие поблизости от него леса, пригодного для постройки судов и портовых сооружений, а также сложность снабжения продовольствием, которое проще было заготавливать во внутренних районах полуострова. Это привело к тому, что Петропавловская гавань вскоре после своего основания постепенно пришла в упадок, длившийся до начала XIX в. Тем не менее, она исправно выполняла функции базы для русских и иностранных морских экспедиций.

Как уже известно, первым с идеей организовать на Камчатке морское учебное заведение выступил В. Й. Беринг. Но вначале в 1740-х гг. на полуострове появились лишь общеобразовательные школы, открывшиеся в Большерецком остроге, Нижнекамчатске и Петропавловской гавани. Инициаторами их создания, помимо В. Й. Беринга и начальника Охотского порта А. Девиера, считаются А. И. Чириков и Г. В. Стеллер. В 1741 г. появилась школа в Большерецке на 20 учеников. По приказу Девиера в ней учительствовал сосланный поручик Пражевский. В 1742 г. заработала школа в Нижнекамчатске. Здесь детей грамоте учили казаки [12а, с. 78].

Выдающийся исследователь полуострова С. П. Крашенинников положительно оценивал деятельность этих школ, подчеркивая, что дети камчадалов, не имевших своей грамоты, обучались в них российской грамоте вместе с детьми казаков, и делали это весьма охотно.

Значительный вклад в развитие общего образования на полуострове внесла духовная миссия под руководством архимандрита И. Хотунцевского, находившаяся здесь в 1745—1750 гг. Ее работа была насыщена религиозным

содержанием. В состав миссии, кроме священников, входили студенты Славяно-греко-латинской академии. Студенты обучали детей азбуке, чтению по-церковнославянски и по-русски, часослову, псалтыри, письму и катехизису с объяснением божественных заповедей.

В отчетах, направляемых в Синод, Хотунцевский отмечал, что камчадалы склонны к учению. Он же предлагал начать и подготовку местных специалистов: солдат, лекарей, живописцев для росписи новых храмов, столяров, кузнецов и мореходов [12]. Но эти проекты были реализованы лишь спустя многие годы.

Через два с половиной десятилетия очередное предложение о создании на Камчатке школы по подготовке моряков высказал главный камчатский командир премьер-майор М. К. фон Бем, назначенный сюда в 1772 г. императрицей Екатериной II. Прибывший осенью этого же года в Иркутск Бем получил от местного губернатора Бриля инструкцию, в которой, в частности, говорилось о необходимости устройства военных школ для детей камчатских обитателей: «Солдатских и казачьих малолетних детей переписать, и, чтобы без призрения не оставались и праздно не шатались, с семилетнего возраста отдавать в школы, выбрав для их учения грамотных служителей... употребляя деньги на содержание школьников от тамошних доходов. По совершеннолетию этих мальчиков определить: детей солдат в солдаты, а казачьих — в казаки, а если окажутся способности, то и в другие должности. Кроме того обучать камчадалских детей...» [13, с. 4].

К началу 1770-х гг. на Камчатке имелись десять гражданских школ, в которых обучались 189 детей. Они постепенно пришли в упадок. Причиной этого стало то, что камчатские командиры употребляли на свои нужды средства, выделявшиеся казной на содержание учеников. В 1784 г. не действовала уже ни одна гражданская школа, и «военные школы остались единственным рассадником грамотности на полуострове» [13а, с. 15].

По прибытии на Камчатку Бем обратился к губернатору Брилю с предложением учредить здесь школы гражданского ведомства для обучения грамоте аборигенов, но ответа на него не получил, и поэтому занялся улучшением военных школ. По штату 1773 г. в них полагалось иметь: в Большерецке и Верхнекамчатске по 15, Нижнекамчатске — 10 и Тигильской крепости — 30 учеников. Учителями сюда назначались грамотные унтер-офицеры. Школьникам полагалось обмундирование и питание, на содержание школ выделялись 4 274 руб. Бем сумел на эти средства увеличить число штатных учеников вдвое и приказал обучать кроме них детей прочих жителей, в том числе и «туземцев» [13, с. 16].

6 декабря 1774 г. Бем писал новому иркутскому губернатору Немцову о необходимости «заведения в Камчатке навигацкой школы для приготовления штурманов на промышленные суда, которые, находясь под управ-

лением людей почти вовсе непосвященных в морские науки, беспрестанно терпели крушения». Эта идея поддержки властей не нашла. Губернатор, с которым отношения у Бема «не сложились», предложил главному камчатскому командиру «больше заниматься делом, нежели бесплодными проектами» [13, с. 17—18].

Оживление экономической жизни Петропавловской гавани связано с началом деятельности Российско-Американской компании (РАК), основанной в 1799 г. Порт стал использоваться как промежуточная база на пути из материковой России к русским владениям на побережье Америки. В 1804 г. в нем располагался склад РАК, здесь же жил комиссионер компании. Один из руководителей РАК граф Н. П. Резанов 16 августа 1804 г. докладывал императору Александру I о том, что «Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией открыт будет, и сделаться важным городом. Я приступил уже здесь к учреждению фактории. . . Вот уже на первый раз для японской торговли три неисчерпаемые источника: рыба, жиры и замша. . .» [14, с. 158]. Тем самым Резанов одним из первых предвосхитил экономическое будущее Камчатки.

Значительный личный вклад в развитие общего, профессионального и морского образования на полуострове в 1820—1850-х гг. внесли определявшиеся сюда начальники Камчатки, избравшиеся из высокообразованных морских офицеров. За единственным исключением, это были талантливые администраторы, искренне заботившиеся о развитии порученной им территории и благе ее населения.

В 1818 г. в Петропавловске открылась *ремесленная школа*. Ее основателем является начальник Камчатки П. И. Рикорд, назначенный на должность в 1816 г. и вступивший в нее в мае 1817 г. «Сразу после прибытия в порт он открыл ремесленное училище с двенадцатью учениками столярному, плотничьему, токарному и слесарному мастерству» [16, л. 1—2].

Собственным зданием школа не располагала. Необходимые для ее работы инструменты доставила на шлюпе «Камчатка» экспедиция В. М. Головнина, отмечавшего в 1818 г., что на занятиях ученики ремонтировали ружья и металлические вещи.

Школа была учреждена по правительственному распоряжению от 27 февраля 1817 г., составленному в соответствии с представлением Рикорда. На ее содержание ежегодно отпускались по 2 075 руб. и, кроме того, одновременно ассигновались 5 000 руб. на постройку здания, а также 3 000 руб. для покупки необходимых инструментов [12б, с. 38].

Отправляясь на Камчатку, Рикорд просил иркутского губернатора Трескина послать с ним шестерых ремесленников, в которых на полуострове ощущался крайний недостаток. Трескин приказал определить для этого шестерых якутов. В 1820 г. по распоряжению главного начальника края сибир-

ского генерал-губернатора М. М. Сперанского на Камчатку отправились еще несколько мастеровых в качестве учителей для ремесленной школы [126, с. 38; 15, с. 34].

В 1820 г. П. И. Рикорд составил план застройки Петропавловска, на котором среди прочих предполагавшихся к возведению зданий размещалась и ремесленная школа. Рикорд предлагал превратить Петропавловск в настоящий оборудованный морской порт. Для этого здесь следовало соорудить столярную, блоковую, токарную, парусную, фонарную, компасную, такелажную, слесарную и котельную мастерские, кузню, арсенал и цейхгауз, а также «сарай для строения гребных судов и для уборки оных в зимнее время» [14, с. 208]. Этот план осуществился лишь частично.

С 1818 по 1828 г. ремесленная школа выпустила 26 чел., в число которых входили портной, столяр, токарь, чеботарь, котельщик, плотник, два кузнеца. Семеро ее выпускников стали казаками, шестеро — матросами, четверых уволили «за неспособностью». В 1828 г. в школе занимались восемь учеников, которых, кроме ремесел, обучали и грамоте.

Сибирский генерал-губернатор просил министра внутренних дел установить школе твердый штат учеников в 12 чел., которого она ранее не имела. При этом он писал, что эта школа крайне необходима, как единственное учреждение на Камчатке для воспитания сирот. В декабре 1828 г. представление было утверждено, но с тем условием, чтобы выпускники употреблялись бы только на гражданском поприще, а не на службе, и поэтому было решено принимать в школу людей свободного сословия.

28 сентября 1828 г. должность начальника Камчатки принял бывший помощник Рикорда «флота капитан 1-го ранга» А. В. Голенищев. Ему первому из камчатских начальников было предоставлено право по делам гражданского управления особой важности обращаться непосредственно к министру внутренних дел помимо своего прямого начальства [126, с. 60].

Судя по анкете, составленной в Петропавловске, в марте 1829 г. здесь действовали два образовательных учреждения: духовное училище и ремесленная школа. «В первом сем 829 г. училось: детей духовного звания двенадцать, из мещан пять, из природных камчадал три, из крестьян один и из матросских детей один, всего двадцать два человека; а во второй из матросских детей десять человек. На содержание духовного училища ежегодно отпускается 7 123 руб. из общего казначейства; на содержание ремесленной школы — 2 075 руб.» [14, с. 223].

Ремесленная школа упоминается и в «Статистических сведениях о Камчатской области за 1829 год». Она до сих пор не имела собственного помещения, а потому занятия проходили во флотских казармах.

Состояние школы охарактеризовано в рапорте А. В. Голенищева министру внутренних дел от 30 июня 1829 г.: «Сверх существующих ныне в порте

казенных зданий, кои все без изъятия заняты, необходимо выстроить дом для ремесленной школы, коей ученики помещаются ныне в служительской казарме. По неимению здесь ремесленников, приведение в должное положение и возможное совершенство ремесленной школы крайне необходимо, как для казенных работ, так и для частных. До сего времени чиновники и жители порта, исключая простое сословие, все домовые вещи, как-то медную посуду, мебель и даже платье и обувь принуждены были доставлять из Охотска весьма дорогою ценою, и сии значительные издержки, вместе с другими на содержание употребляемыми, весьма ощутительны для каждого. И как ремесленная школа, существующая до сего времени по одному названию, не имела положительных для руководства правил, то ныне вследствие предписания генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского приступлено к составлению штата для оной, по приведении коего к окончанию буду иметь честь в особенности донести Вашему Высокопревосходительству» [17, л. 134—134 об.].

15 января 1829 г. Кабинет министров — правительство России — решил, что отныне в школу должны были поступать дети лишь «собственно камчатских природных обитателей». После ее окончания они оставались бы в области и использовались на гражданском поприще и для развития хозяйственной жизни территории, а не только на воинской службе. В соответствии с этой идеей, в октябре 1829 г. все учившиеся в ней дети служителей камчатской экипажной роты и казачьей команды были «выключены из штата». А. В. Голенищев, обращаясь к генерал-губернатору Восточной Сибири, просил принимать на учебу и детей камчатских казаков, которых он также рассматривал как постоянных местных жителей. Школу передали из морского ведомства в Министерство внутренних дел, а затем — Министерству государственных имуществ.

В 1831 г., по данным Голенищева, Камчатку населяли 4 460 чел.: 2 523 «мужска пола» и 1 928 женщин. «Все жители Камчатки, исключая чинов, в коронной службе состоящих, довольствуются преимущественно местными произведениями, между коими рыба есть общий и главный предмет продовольствия...»

Детей, пригодных для обучения, в числе жителей насчитывалось 343 чел.: офицерских — девять мальчиков и пятнадцать девочек, медицинских чинов и приказнослужителей — девять мальчиков и четыре девочки, купцов — восемнадцать мальчиков и десять девочек, нижних чинов морского ведомства и казаков, отставных матросов и солдат, а также военнопоселенцев — 194 мальчишки и 84 девицы [18, с. 2—3].

Голенищев столкнулся с отсутствием учителей и поэтому назначил ими в ремесленную школу мастеровых из флотской команды. Но морское ведомство не позволило ему отвлекать их от своих прямых обязанностей. Тогда

Голенищев обратился к иркутскому губернатору с просьбой прислать на Камчатку для этой цели кузнеца, слесаря и столяра из поселенцев. При этом он представил новый штат школы в числе десяти учеников вместо прежних двенадцати и просил разрешить ему использовать накопившиеся от некомплекта учеников 7 695 руб. на развитие этого учебного заведения. Эти ходатайства начальника Камчатки были одобрены осенью 1833 г.

В ответ на просьбу Голенищева о высылке трех мастеровых иркутский губернатор распорядился отправить десять мастеровых из ссыльно-каторжных, «но Голенищев просил не заражать край подобными преступниками, и потому в мае 1833 г. были присланы требуемые им мастеровые из иркутского ремесленного дома» [126, с. 60—61].

11 октября 1835 г. должность начальника Камчатки от Голенищева принял капитан 1-го ранга Шахов, несправедливо обвинивший предшественника в том, что тот «привел край в самое бедственное положение и расстроил все прежние полезные учреждения». По навету Шахова на Голенищева наложили денежный начет за якобы имевшийся недостаток казенной соли. Голенищев просил взять в счет компенсации за 4 500 руб. ассигнациями его дом на Камчатке и передать его ремесленной школе [126, с. 63].

В 1840 г. на Камчатке действовало училище, содержавшееся за счет духовного ведомства. В нем обучалось двадцать пять учеников духовного сословия и десять камчадалов.

7 октября 1840 г. в управление Камчаткой вступил новый начальник — капитан 2-го ранга Н. В. Страннолюбский. 12 ноября 1840 г. комитет министров решил послать на Камчатку агронома, для того чтобы развить здесь хлебопашество и скотоводство и тем самым ослабить зависимость местного населения от привозного продовольствия. Выбор, оказавшийся, как показало время, неудачным, пал на прусского подданного К. Кегеля. В выданной ему инструкции предписывалось принять в свое ведение ремесленную школу, которую «привести в лучшее устройство и выучить учеников таким занятиям, какие могут быть полезны в домашнем быту тамошних жителей».

В 1841 г. Кегель прибыл на Камчатку. Здесь у него возникла идея о переносе ее из Петропавловского порта в Мильковское селение, сельскохозяйственный центр полуострова. По мнению Кегеля, школа была доведена до упадка [126, с. 70, 72]. 29 мая 1843 г. Страннолюбский сообщил инспекторскому департаменту, что занятия ее учеников ограничиваются разведением огородных овощей и изучением бочарного, столярного, слесарного и кузнечного ремесел. Для обучения грамоте школа не имеет своих учителей, поэтому ее ученики для этой цели ходят в школу кантонистов [126, с. 72—73].

Н. В. Страннолюбского сменил капитан 2-го ранга Р. Г. Машин, прибывший на Камчатку 21 августа 1845 г. В 1847 г. он просил ассигновать средства на заведение школ для обучения камчадалов. О тогдашнем уровне их гра-

мотности свидетельствует такой факт. Камчадалским старшинам, получавшим какое-либо предписание начальства, приходилось для его прочтения ехать к грамотному человеку за триста верст. На это представление ответа Машин не получил, но учредил одно училище в Мильковском селении. Сюда с согласия родителей поступили двадцать три камчатских мальчика восьми-пятнадцати лет из разных селений. Их обучали чтению, письму, Закону Божьему, арифметике и отчасти ведению сельского хозяйства. «Ученики жили у крестьян на условиях, сделанных с их родителями, на счет которых содержалась и самая школа» [126, с. 84].

В 1848 г., по отчету Машина, в Петропавловске жили около 370 чел., среди них имелись двадцать семь ремесленников различных специальностей. Из числа последних для судостроения и обслуживания флота могли быть пригодны двое слесарей и шестнадцать плотников [20, с. 25, 33]. Кстати, из того же отчета следует, что ремесленная школа в Петропавловске не работала. Закрыта она была, видимо, в 1844 или 1845 гг. [19, с. 62]. Как видно, со своим назначением это учебное заведение явно не справилось.

2 декабря 1849 г. по императорскому распоряжению была образована самостоятельная Камчатская область. Исполнять обязанности ее военного губернатора стал капитан 1-го ранга В. С. Завойко, вскоре получивший чин генерал-майора, а затем — контр-адмирала. Отныне заботами первого камчатского губернатора «Петропавловск должен был сделаться полезной станцией для военного флота, равно как для торговых судов и китобоев. Для этого, однако, недоставало рабочих и ремесленников, равно как мастерских и складов корабельных принадлежностей...» [10, с. 79].

В 1850 г. в связи с ликвидацией Охотского порта действовавшее там штурманское училище перевели в Петропавловск, который теперь стал единственным портом во всей северной части Тихого океана. Парусники, посещавшие гавань, нуждались в снабжении и ремонте, но «здесь едва хватало запасных частей для собственных судов. Точно так же здесь не было никаких мастерских, имелись только небольшие, весьма примитивные приспособления для производства самых простых работ» [10, с. 125, 133].

Теперь учебное заведение именовалось «*Петропавловское морское училище*» и пользовалось неизменной поддержкой со стороны В. С. Завойко, который пытался расширить его и улучшить условия существования. Он составил штат учебного заведения и разработал «Положение...», детально регламентировавшее его деятельность. Отличительным знаком училища стали литеры «П. У.» (Петропавловское училище), носимые воспитанниками на погонах и фуражках.

«Петропавловское морское училище состоит под непосредственным начальством Камчатского военного губернатора и под главным начальством начальника Главного морского штаба». Директором училища (одновремен-

но инспектором классов) мог стать флотский офицер, офицер корпуса флотских штурманов или корабельный инженер в чине не ниже капитан-лейтенанта или капитана. Помощником директора назначался морской лейтенант или офицер корпуса флотских штурманов в чине штабс-капитана или поручика. «Директор училища и его помощник назначаются и увольняются Высочайшим приказом по Главному штабу Морского министерства, а чины учебные избираются директором училища и утверждаются в должности Камчатским военным губернатором».

Обучение воспитанников фронтовой службе возлагалось на унтер-офицера (он же являлся каптенармусом). Обслуживать и присматривать за воспитанниками должны были четыре «дядьки». Остальная прислуга по потребности назначалась от 46-го флотского экипажа, расквартированного в Петропавловском порту. В штат училища входили также один повар и два писаря.

Число воспитанников определялось в 30 чел., но «сверх штатного числа дозволяется иметь пенсионеров, число их не ограничивается. Каждый пенсионер платит за свое содержание училищу по 200 руб. серебром в год». На содержание учебного заведения предполагалось затрачивать в год 2 866 руб. 92 коп. [21, л. 9—9 об.].

Программа обучения предусматривала прохождение трех последовательных курсов: подготовительного, общего и специального. Подготовительный курс вводился для тех воспитанников, родители которых «по роду службы своей, равно как и по недостаточному состоянию», не могли дать своим детям «даже малых первоначальных познаний в науках».

Общий курс заключался в преподавании наук, «познание которых, с одной стороны, необходимо для каждого просвещенного члена семейства и государства; с другой — служит приготовлением к образованию специальному».

На специальном курсе намечалось изучение навигации, астрономии, морской практики, корабельной архитектуры и построения корабельных чертежей, теории кораблестроения, теоретической и практической механики, теории паровых машин, описи морских берегов, лоции, черчения планов и карт, фортификации, артиллерии, строительного искусства и гражданской архитектуры, составления проектов, смет, пояснительных записок, технических и денежных отчетов.

Последний год специального курса должен был носить преимущественно практический характер, состоявший в приобретении знаний: «1. Качества кораблей. 2. Нагрузки и размещения по местам всех корабельных вещей. 3. Управления кораблем в отношении к действию ветра и парусов. 4. Развязывание лаглиня и лотлиня. 5. Поверки скляночных часов и компаса. 6. Ведения журнала и путисчисления. 7. Астрономических наблюдений. 8. Употребления и действия артиллерии. 9. Производство кораблестроительных работ. 10. Управления пароводов. 11. Работа на заводах. 12. Орудейного ученья

и лабораторного дела. 13. Построения разных зданий и гидротехнических сооружений; и вообще в изучении практически всех предметов, какия впоследствии могут представиться».

Как видно, перечень дисциплин специального курса свидетельствует о том, что Петропавловское морское училище можно рассматривать в качестве прообраза морского вуза, появившегося на полуострове более чем век спустя. Полный срок обучения в нем должен был составить восемь лет. Его выпускники могли стать флотскими офицерами: штурманами или артиллеристами, инженер-механиками военных пароходов, а также инженерами корабельными или «по строительной части» гражданского ведомства.

После сдачи выпускных испытаний списки успешно выдержавших их отправлялись начальнику Главного морского штаба, который представлял их на утверждение императору. После утверждения воспитанники, «удостоенные к выпуску на действительную службу», приводились к присяге на верность «Престолу и Отечеству» и отправлялись к месту службы. Каждый из них получал пособие на обмундирование и обязывался прослужить в Камчатском или Охотском крае не менее пяти лет.

В 1852 г. весь Петропавловск состоял из 156 деревянных домов. В этом году в местном училище числились 29 чел. Собственного помещения оно не имело, размещаясь в матросской казарме. Постоянных преподавателей не было, их роль выполняли морские офицеры с кораблей, стоявших в порту. Известно, что училище располагало собственной библиотекой, насчитывавшей около 240 книг [22, с. 114].

Личный состав училища принимал участие в Петропавловской обороне 1854 г. В начале 1855 г. его численность составляла всего 19 чел. [23]. В марте 1855 г. училище, в связи с эвакуацией порта в Николаевск-на-Амуре, перенесли туда же. Одним из его воспитанников был Федор Никитич Алексеев, прибывший в Петропавловск на транспорте «Двина». Он вел интересный дневник, в котором, в частности, описал оставление порта весной 1855 г. В дневнике Алексеев упомянул некоторых своих товарищей. Он писал: «29 марта я назначен на корвет “Оливуца”. Сегодня вышел приказ командира порта адмирала Завойко о начатии компании. Состав экипажа: ...ученики Петропавловского штурманского училища Алексеев, Тольман, Чупров, Крахалев 2-й...» [24, с. 20—21].

Одновременно с морским училищем в Петропавловске действовала *школа кантонистов*. Кантонистами (от немецкого слова *kantonist*, то есть военнообязанный) в первой половине XIX в. называли солдатских и матросских сыновей, на основе крепостного права со дня рождения числившихся за военным и морским ведомствами. Для них были созданы особые школы, в которых обучались дети в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Эти заведения готовили «нижних чинов», которых по достижении восемнадцати лет зачис-

ляли на службу или продолжали учить для получения унтер-офицерского чина. Школы кантонистов были упразднены в 1856 г. [25, с. 69].

Первую попытку устройства школы кантонистов на полуострове предпринял в 1840 г. начальник Камчатки Н. В. Страннолюбский, обративший внимание на безнадзорность детей «нижних чинов» и разночинцев, которые, не имея присмотра, проводили время на улицах. Страннолюбский собрал всех мальчишек от семи лет и старше, которых насчитывалось пятьдесят пять человек, и организовал обучение в учрежденной им школе кантонистов. Грамотой, арифметикой и фронтовой службой с детьми занимались морские офицеры, Закон Божий преподавал местный протоиерей.

В декабре 1840 г. Страннолюбский предложил начальнику Главного морского штаба объединить школу кантонистов с ремесленной. По его проекту ученики должны были жить у родителей, получая только казенное обмундирование. Морское министерство обратилось в Министерство государственных имуществ, признавшее возможным слияние школ только в том случае, если выпускники будут «употреблены для пользы камчатских жителей, а не для военной службы».

При этом Страннолюбский представил штат школы кантонистов на сорок учеников, прося его утверждения. Но, как сообщает А. Сгибнев, «дело это оставлено было без всяких последствий, и возобновил его камчатский военный губернатор капитан 1-го ранга Завойко» [126, с. 72—73].

Школа кантонистов, будучи объединена с ремесленной, просуществовала несколько лет. После отъезда Страннолюбского с полуострова она прекратила свое существование [19, с. 61—62].

В ноябре 1850 г. В. С. Завойко обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву с рапортом о необходимости открытия в Петропавловске неранжированной роты кантонистов, «по примеру таковой состоящей в Кронштадте при Учебном морском экипаже, с особым ассигнованием по 15 коп. серебром в сутки на каждого мальчика на улучшение пищи».

Завойко доносил генерал-губернатору о том, что «при 46-м флотском экипаже состоит кантонистов от семилетнего возраста до шестнадцатилетнего пятьдесят восемь человек, а до семи — тридцать девять человек, а всего девяносто семь; все они состояли до прибытия моего в Петропавловский порт при родителях до совершеннолетия, или до поступления на службу, и употребляются родителями во все домашние работы». Эти работы, а также скудное питание, по мнению Завойко, оказывали вредное воздействие на здоровье, в результате чего дети быстро «надсаживались» и делались «хилым и почти неспособным к службе, не имея роста, приличного званию солдата». Кроме того, признавалось пагубным и «нахождение кантонистов при родителях или родственниках», которое «и в нравственном отношении для них губительно; проводя время праздно и шатаясь по улицам, не имея над

собою должного надзора, — они свыкаются с разного рода шалостями и делаются своевольными, чрез что по поступлении на службу воинская дисциплина для них кажется слишком тягостной».

Завойко разместил детей в одном из свободных флигелей морского ведомства, организовав таким образом камчатскую школу кантонистов. «Как по продовольствию, так и по обмундированию кантонистам делается воспомоществование из общей экономии экипажа. Образовав в Петропавловском порту школу кантонистов, можно надеяться, что со временем она в состоянии будет комплектовать экипаж хорошими матросами и мастеровыми, и не будет надобности высылать людей из России».

«Завойко собрал тридцать человек мальчиков в особое помещение, обмундировал их, обучил грамоте и посылал для практики в море. Но так как школа эта содержалась на экономические средства, на которые нельзя было рассчитывать постоянно... Завойко вошел в 1850 г. с представлением об учреждении в Петропавловской гавани неранжированной роты кантонистов с отпуском по 15 коп. на человека в сутки. Представление это подало генерал-губернатору мысль учредить в Камчатке общеобразовательную школу, проект которой составлялся в Иркутске. Но переписка об этом, несмотря на новое представление Завойко [от] 18 ноября 1853 г., не привела ни к каким результатам...» [13, с. 68].

Заведование школой поручалось капитан-лейтенанту Горновскому, ранее служившему в Морском учебном экипаже, «ему это дело знакомо, и ныне я должен засвидетельствовать, что г. Горновский показывает свое усердие поставить кантонистов на должный им быт» [21, л. 1—3].

В соответствии с разработанным положением, штат школы кантонистов составляли 9 чел.: фельдфебель, он же каптенармус, пять унтер-офицеров для присмотра за кантонистами и для обучения их фронтальной службе, два повара и цирюльник. Число кантонистов не ограничивалось. На содержание школы требовались 157 руб. 92 коп. в год [21, л. 10].

«Кантонисты содержатся в роте в самой строгой дисциплине — они должны быть всегда опрятно одеты и острижены по форме. Вообще стараться приучать их к тому образу жизни, какой обыкновенно ведут нижние воинские чины». Они имели такую же форму, как и воспитанники училища, но на погонах и на фуражках носили буквы «Р. К.», то есть «Рота кантонистов». Рота могла размещаться в одном здании с морским училищем, но отдельно от помещения воспитанников училища.

Кантонисты делились на два отделения: младшее и старшее. В первом состояли неграмотные ученики, которым преподавались Закон Божий, чтение и письмо. Во втором отделении наряду с Законом Божьим изучались грамматика, арифметика и чистописание. Рисованию и черчению дополнительно обучались те из них, «которые будут приготавливаться по ремесленной

части». Эти ребята, кроме занятий в классе, должны были ежедневно работать в мастерских Петропавловского порта «для практического изучения мастерства, к которому будут назначены».

Кантоницы, «предназначенные к должности писаря, в свободное от класс время посылаются в штабы и канцелярии для практического изучения своих обязанностей». А те из учащихся, которые «будут приготавливаться к обязанностям подшкиперов и баталеров, сверх практических занятий в свободное от класс время в летние месяцы назначаются на военные суда, отходящие в море, для узнания на практике своего дела».

По завершении обучения кантоницы строевого отделения, достигшие восемнадцатилетнего возраста, определялись рядовыми в 46-й флотский экипаж или другие военные команды. Кантоницы нестроевого отделения отправлялись на службу писарями, подшкиперами, баталерами и ремесленными мастерами «с награждением унтер-офицерским чином». Те же из них, кто не выдерживал испытаний, выпускались из школы рядовыми в нестроевые команды [21, л. 22 об.—23 об.].

Школу кантоницев можно рассматривать как предшественницу современных профессиональных и среднетехнических учебных заведений. В 1852 г. в ней обучались 54 ученика [20, с. 36—37]. В это время в городе проживали 1 593 чел., причем почти все взрослые мужчины состояли на государственной службе, являясь офицерами, чиновниками, матросами и казаками [10, с. 133].

Воспитанники морского училища и школы кантоницев проходили морскую практику на кораблях Камчатской флотилии. В начале 1850-х гг. флотилия имела в своем составе транспорты «Иртыш», «Курил», «Охотск» и «Байкал», шхуну «Анадырь», боты «Кадьяк», «Алеут», тендер «Камчадал». Весной и летом часть учеников пребывала на военном транспорте «Иртыш», которым командовал лейтенант Гаврилов. Об этом свидетельствует сообщение Завойко от 10 мая 1853 г., адресованное командиру транспорта, о выдаче причитающихся «порционных» денег «господам офицерам и штурманским ученикам» [26, л. 31—31 об.].

Ученики пребывали и на других кораблях. В августе 1853 г. в японском порту Нагасаки стоял легендарный фрегат «Паллада», на борту которого находился писатель И. А. Гончаров. Сюда же зашел корвет «Оливуца», в мае вышедший из Петропавловска и посетивший по пути Гавайские острова. Вот что вспоминал Гончаров о своей встрече с камчатцами. «30-го августа, в Александров день, был завтрак у именинника барона Шлипенбаха на корвете. Было очень весело. Между различными развлечениями было одно, самое замечательное. На палубу явилось человек осьмнадцать мальчиков, от двенадцати до шестнадцати лет. Они стройно и согласно пели романсы, хорошие песни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконец, двое самых маленьких плясали по-русски. Их заставляли

говорить наизусть басни Крылова. У всех нерусские физиономии — кто бы это были? Камчадалы! Они учатся в школе, в Петропавловске, и готовятся в лоцманские и штурманские должности. Вот где зажглась искра просвещения и искусства! Все эти мальчишки по праздникам ездили на фрегат и прекрасно хором пели обедню» [27, с. 338].

После эвакуации в 1855 г. из Петропавловска портового управления и флотского экипажа город утратил значение военно-морской базы и главного порта России на Тихом океане. Одновременно в Петропавловске была прекращена деятельность морского училища и школы кантонистов при нем. Ни одного выпуска они сделать не успели.

Так завершился начальный период становления морского образования на Камчатке. Как видно, речи о подготовке специалистов в рыбохозяйственной сфере в то время не велось: отечественный промысел рыбы и морского зверя не носил промышленного характера, покрывая лишь потребности незначительного местного населения в продовольствии для себя и ездовых собак. Тем не менее, в области впервые стали действовать учебные заведения, готовившие на месте специалистов из числа камчатских жителей. Круг их выпускников могли составить морские офицеры, штурманы, инженеры, судоводители и мастеровые: береговые рабочие по обслуживанию плавучих средств и строений порта. Недостаток же офицерских кадров на Камчатке мог бы обеспечить выпускникам Петропавловского морского училища достаточно быстрое повышение по службе.

Некоторое время училище, переведенное на новое место, сохраняло название «Петропавловское» (видимо, существовали планы его возвращения на старое место), но затем получило наименование «Николаевское». Наиболее известным питомцем Николаевского училища стал будущий вице-адмирал, блестящий ученый и флотоводец С. О. Макаров, окончивший его в 1865 г.

С 1855 г. главным портом России на Тихом океане стал Николаевск-на-Амуре, превратившийся к этому времени в небольшой провинциальный городок. Прибывшие с Камчатки моряки (в июне 1855 г. их насчитывалось 1 098 чел.), внесли в его жизнь большое оживление.

С начала 1860-х гг. русские моряки начали осваивать новую базу — Владивосток, имевшую по сравнению с Николаевском-на-Амуре ряд преимуществ. 25 февраля 1871 г. руководитель российского флота генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич объявил решение императора Александра II: «Главный порт с морскими учреждениями перенести из Николаевска во Владивосток». В 1880 г. Владивосток стал городом, здесь образовалось особое владивостокское военное губернаторство, включавшее полуостров Муравьев-Амурский. А в 1888 г. Владивосток превратился в административный центр Приморской области [7, с. 140—143]. В ее состав входил Петропавловский округ, занимавший территорию нынешней Камчатской области.

В 1870 г. завершился еще один этап развития морского образования на Дальнем Востоке: Николаевское училище было ликвидировано. Его преобразовали в мужскую классическую прогимназию, которую в 1876 г. перевели во Владивосток.

НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ МОРЯКОВ ДЛЯ ПАРОВОГО ФЛОТА И СПЕЦИАЛИСТОВ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К 1876 г. в России насчитывалось около сорока мореходных школ каботажного и дальнего плавания. В них в общей сложности обучались 1 465 чел. Русский Дальний Восток с его необозримыми водными пространствами ни одного такого учебного заведения не имел. Первое образовательное учреждение, обучавшее береговых специалистов по обслуживанию флота, но не моряков, появилось во Владивостоке в 1878 г. Вначале оно называлось *Кадровой*, а затем — *Портовой школой*. Школа с ежегодным набором в 40—45 чел. готовила низший технический состав. Его обучение было организовано крайне неэффективно, поэтому за десять лет число выпускников составило всего 12 чел.

14 ноября 1890 г. во Владивостоке открылись *Александровские мореходные классы* с двух- и трехгодичным сроком обучения (двухгодичный — для штурманов малого плавания, трехгодичный — для штурманов дальнего плавания). Название классы получили в честь императора Александра II. В них принимали учеников в возрасте не моложе четырнадцати лет, имевших опыт плаваний. В программе классов предусматривалось изучение навигации, астрономии, алгебры, арифметики, тригонометрии, географии, морской практики и законовещения, паровой механики, русского и английского языков, такелажных работ [11, с. 22, 25—26].

Программа обучения соответствовала требованиям к подготовке шкиперов малотоннажного деревянного парусного флота. Но к концу XIX в. небольшие суда уже не могли покрыть потребностей в перевозках по дальневосточному побережью. Постепенно в регионе появились судоходные компании, владевшие крупнотоннажными паровыми судами. Отечественный транспортный флот стал нуждаться не только в судоводителях, но и квалифицированных механиках.

В начале XX в. правительство России одобрило ряд мер, упорядочивавших требования к подготовке кадров для гражданского флота. 6 мая 1902 г. был принят закон об изменении действующих правил о судоводителях морских судов торгового флота и «Положение о мореходных учебных заведениях Министерства финансов». «Положение...» вводило дипломирование для судоводителей и обязывало командный состав судов, за исключением малотоннажных, иметь российское подданство. Для капитанов и штурма-

нов оно устанавливало четыре разряда и повышенный плавательский ценз для их получения.

10 июня 1903 г. вышло «Положение о механиках на мореходных судах торгового флота», введившее три разряда дипломов, в зависимости от категории судов, на которых они плавали. К первому разряду относились все пассажирские и грузовые суда с мощностью главных машин более 1 000, ко второму — от 1 000 до 100 и к третьему — менее 100 индикаторных лошадиных сил.

С учетом новых подходов к морскому образованию, в 1902 г. Мореходные классы были преобразованы в *Александровское мореходное училище дальнего плавания*, приравненное по статусу к средним учебным заведениям. Оно обеспечивало трехгодичный срок обучения, причем первые два года давали право на получение звания штурмана малого плавания, а полный курс обучения — звания штурмана дальнего плавания. Программа, по сравнению с прежними Мореходными классами, была углублена и дополнена рядом новых предметов [20, с. 40—41].

Вначале училище готовило только судоводителей. Судомеханическое отделение в нем начало действовать с 1908 г. Его курс также предусматривал двух- или трехлетнее обучение. Каждый год включал семь учебных месяцев, месяц практики в мастерских, по два месяца на плавательскую практику и каникулы. На теоретическую подготовку будущих механиков отводилось в неделю по 44, а на полный курс — 4 092 учебных часа. В программу входило изучение Закона Божьего, русского и английского языков, арифметики, геометрии, алгебры, тригонометрии, теоретической механики, физики, паровой механики, электротехники, кораблестроения, химии, материаловедения [20, с. 51].

Александровское мореходное училище к началу XX в. стало на Дальнем Востоке главным центром по подготовке флотских специалистов — штурманов и судомехаников.

В 1880-х гг. на громадной территории Петропавловского округа, превышавшей размеры большинства европейских стран, включавшей не только Камчатку, но и Чукотку, а также побережье Охотского моря, проживало всего лишь восемь с небольшим тысяч человек. Основным занятием местного населения, кроме охоты, была заготовка лосося для собственного пропитания и кормления ездовых собак.

29 апреля 1880 г. Э. Сандалин — староста Петропавловска, «столицы» округа — сообщил в окружное полицейское управление некоторые статистические сведения о городском хозяйстве за прошлый 1879 г. В городе жили 327 чел. Он состоял из 51 частного дома, 26 надворных построек (бань, амбаров и скотных сараев), четырех купеческих лавок и 16 купеческих «магазинов», то есть складов. Число собак, принадлежавших жителям, превышало количество их самих, достигая 340. На улицах Петропавловска паслись четы-

ре лошади и 115 голов «рогатого скота». Как видно, по сути Петропавловск являлся заброшенной деревней на самой окраине империи, именуясь городом лишь из-за статуса центрального пункта огромного округа.

Численность городских ремесленников составляла 14 чел., в том числе: три повара, один сапожник, четыре печника, столяр, четыре плотника и один кузнец, при этом ни один из этих специалистов не имел учеников. Дети посещали один имевшийся в городе «общественный дом»: им была городская начальная школа [28, л. 64 об.—65]. Этим исчерпывались все возможности местного населения получить какое-нибудь образование.

П. Ф. Унтербергер, военный губернатор Приморской области, в состав которой входил Петропавловский округ, так характеризовал состояние рыболовного промысла на Камчатке в конце XIX в.: «Несмотря на обилие разных пород рыб, входящих для метания икры в реки, главный предмет улова составляют лососные породы, и между ними выделяется отличными качествами своего нежного и жирного мяса чевыча, достигающая больших размеров. В особенности она хороша в устье реки Камчатки. К сожалению, нет там хороших засольщиков и бондарей, и поэтому приготовление рыбы впрок с целью экспорта плохо развивается» [29, с. 7—8]. Под последним губернатор подразумевал первый неудачный опыт отправки из Усть-Камчатска в Сан-Франциско засоленных камчатских лососей, предпринятый компанией «Русское товарищество котиковых промыслов» в 1896 г. Вся продукция испортилась в пути [30, с. 23—24].

Никакой другой промышленности в тот период на полуострове не существовало. Первым современным предприятием на Камчатке, производившим товарную продукцию, стал рыбоконсервный завод преемника Русского товарищества котиковых промыслов — Камчатского торгово-промышленного общества, начавший работать в окрестностях Петропавловска в 1901 г. Рабочую силу, управленческий и технический персонал на него привезли из-за границы. Участие местного населения в деятельности этого завода сводилось лишь к сдаче на него части улова.

По словам Унтербергера, «обращаясь к вопросу поднятия заработка населения, следует остановиться сначала на рыбном промысле и улучшить его в качественном отношении настолько, чтобы заготавливаемая впрок рыба могла бы служить предметом экспорта. Приготовление балыков находится в удовлетворительном положении, но засолка плоха вследствие худой соли и неумения солить рыбу настолько прочно, чтобы она могла выносить далекую пересылку через тропики, а также за отсутствием мастеров для приготовления необходимой посуды. Замечательно, что еще недавно пароход Добровольного флота возил в Камчатку пустые бочки для засолки рыбы, так как посуды местного производства было мало. Таким образом, помочь населению можно снабжением его хорошей солью, посылкою умелых засольщи-

ков и бондарей, которые на месте положили бы начало обучению населения искусству засолки и бондарному мастерству. Как главный материал для экспорта будут, конечно, служить лососные породы, повсюду там встречающиеся...» [29, с. 25—26].

Отечественная рыбная промышленность в Охотско-Камчатском крае начала постепенно развиваться после русско-японской войны 1904—1905 гг. Квалифицированных кадров для нее не имелось: на промыслах работали практики-самоучки. Первая попытка начать их подготовку была предпринята в 1908 г. во Владивостоке. По словам Н. Богданова, «в нынешнем году по инициативе полковника Эгермана в практические занятия учеников местного мореходного училища предложено ввести курс рыболовства».

Администрация училища просила предоставить в ее распоряжение в качестве учебного судна конфискованную за незаконный лов японскую шхуну «Миура-Мару», «которая сейчас стоит без употребления». Руководство учебного заведения договорилось с русскими рыбопромышленниками, которые уступили ей одну из арендованных на Камчатке рыбалок, дали кредит, выделили необходимое для ловли рыбы (снасти, кунгасы, соль). «По окончании снаряжения училище предполагает отправить учеников на Камчатку для одно-временного практического изучения рыболовства и мореплавания» [31, с. 56].

Шхуна, получившая название «Надежда», досталась училищу еще в 1906 г. В течение двух лет ученики под руководством преподавателей восстановили ее, и в 1908 г. она с пятнадцатью практикантами на борту отправилась в свое первое плавание. Ветхое суденышко длиной 25 м, не имевшее двигателя, принимало 100 т груза. Его экипаж составляли, кроме практикантов, один штурман и несколько штатных матросов. Плавание завершилось неудачно: шхуну выбросило на сушу на западном побережье Камчатки при заходе в устье р. Ича [11, с. 47].

В 1913 г. попечительский комитет Александровского училища обратился к Министерству торговли и промышленности с предложением открыть специальный промысловый класс с годичным сроком обучения. Это ходатайство поддержал «главный начальник края» — приамурский генерал-губернатор. Задачей класса являлась подготовка руководителей морских промыслов. Поступающие в него предварительно должны были окончить какое-либо мореходное учебное заведение. Допускались к обучению также и лица после начальных школ, но при условии наличия у них шестимесячного плавательского ценза в открытом море [11, с. 52].

В этот же период появились проекты начала обучения специалистов рыбохозяйственного профиля непосредственно на Камчатке. В 1907 г. советник Приморского областного правления Ф. Ф. Сомов провел ревизию Петропавловского округа. В докладе военному губернатору Приморской области он изложил свои соображения по поводу возможности их подготовки. По мне-

нию Сомова, в Петропавловске для «ознакомления населения с усовершенствованными способами приготовления рыбы» следовало организовать учительскую семинарию, в которой «должен быть обязательный для всех учащихся отдел по рыбоводству, заведовать которым должен специалист... Окончившие курс такой семинарии явятся действительно полезными учителями и, независимо от ознакомления со способами лова, приготовления и размножения рыбы подрастающего поколения, явятся руководителями этого дела и для взрослых».

В качестве примера подобного учебного заведения называлась ремесленная школа, действовавшая в Тобольске, «ученики которой изготавливают консервы, и консервы эти расходятся по всей Сибири». (В Тобольске еще в начале 1890-х гг. действовала фабрика Трусова, ставшая самым восточным производителем отечественных рыбных консервов). Заведующий городским училищем в Петропавловске Л. Л. Роберт поддерживал эту идею, заявляя о том, что для «получения кадра учителей достаточно открытия двух специальных классов при городском училище; в них же может преподаваться и рыбоводство» [32, л. 17—17 об.].

Кроме этого, с целью «ознакомления населения с усовершенствованными способами приготовления рыбы» в этой учительской семинарии, помимо отделения рыбоводства, следовало иметь курсы по подготовке учителей для уездных школ, способных обучать школьников плотничьему, столярному, бондарному и кузнечному ремеслам. По словам Сомова, в таких уездах, как Гижигинский, в них «ощущается настоятельная необходимость, и отсутствие этих познаний служит серьезным тормозом к поднятию благосостояния населения. Например, для усиленного лова рыбы, как в реках, так и в море, необходимы лодки, а между тем делать их, и то самым примитивным способом, умеют во всем уезде только семь человек». Будущие учителя из уездов должны были проживать в Петропавловске за казенный счет, с обязательством прослужить после окончания учения «не менее определенного количества лет» [33, с. 9].

В 1910 г. на Камчатке началось массовое производство натуральных лососевых консервов на предприятиях, принадлежавших отечественным промышленникам. Рыбokonсервные заводы (РКЗ) оснащались современным оборудованием и работали по американской технологии. Для них требовались квалифицированные мастера и техники, обучать которых можно было бы на месте из числа местных жителей. Первым шагом в этом направлении стало последовавшее 20 июля 1911 г. предложение одного из крупнейших отечественных рыбопромышленников — совладельца фирмы «Камчатское консервное товарищество» Х. П. Бирича — учащимся Петропавловского городского двухклассного училища пройти практику на его заводе [34, л. 234—239]. При этом работавшее при училище ремесленное отделение, судя по всему, вопросами обработки рыбы еще не занималось.

В 1913 г. губернатор Камчатской области Н. В. Мономахов полагал, что серьезным подспорьем в работе РКЗ стало бы открытие особых низшего и среднего рыболовных училищ. «Эти училища создали бы кадры специалистов для промышленных предприятий, а местное население, получающее в данное время от лова рыбы незначительный доход, научилось бы консервировать ее усовершенствованным способом, и тем самым значительно увеличило бы свой заработок» [35, с. 30].

Очередная попытка создания в Камчатской области специализированного учебного заведения рыбопромышленного профиля была предпринята в начале 1918 г. 10 января областной комитет, сменивший царскую губернскую администрацию, рассматривал ходатайство члена комитета Сивцева о создании в Охотске «ремесленного класса, рыбоконсервного и икрообработывающего отделения». Летом 1918 г. в Охотске намечалось открытие высшего начального училища (ВНУ). В этом случае при действовавшей там двухклассной школе предполагалось организовать ремесленное отделение «в небольших размерах, прося Охотское городское самоуправление придти на помощь училищу закупкой леса, необходимого для ремесленного отделения».

Обучение на этом отделении предполагалось совместить с практикой. «Что же касается обучению рыбоконсервному и икрообработывающему делу, то обязать ближайших к Охотску рыбопромышленников разрешать учащимся Охотского училища присутствовать при обработке икры и изготовлении консерв[ов]. Предложить заведующему училищем посещать вместе с учащимися эти заводы и наблюдать, чтобы дети, посещая завод, не праздно проводили время» [36, л. 7].

ВНУ в Охотске было открыто 1 июля 1918 г. Вскоре оно «за неимением свободного под училище помещения» по приказу областного комиссара от 24 октября 1918 г. было переведено в с. Тигиль, и с 1 октября 1918 г. переименовано в «Тигильское ВНУ» [37, л. 40]. Сведений о работе ремесленного отделения в Охотске не выявлено.

Как видно, решить проблему подготовки кадров для рыбопромышленности непосредственно на полуострове в 1910-х гг. не удалось. Управленческий и особенно технический персонал отечественных РКЗ, как правило, состоял из иностранцев.

Одновременно с русскими промышленниками рыбоконсервное дело на Камчатке стали осваивать японцы. Первым из них стал С. Цуцуми: его предприятие в Усть-Камчатке за первый сезон 1910 г. выпустило 700 ящиков продукции. Проведенные Цуцуми опыты консервирования получили поддержку японского правительства, направившего на его промысел инструктора рыболовной школы с двенадцатью учениками. Русским предпринимателям и властям стало ясно, что «японцы, как по части заготовления икры, так и консервов, могут явиться нам серьезными конкурентами» [38, с. 304—306].

Подготовка моряков и специалистов рыбохозяйственной отрасли в Японии находилась под пристальным вниманием государства. В начале 1890-х гг. в Японии действовали три мореходных школы — в Токио, Осаке и Хакодате, имелся учебный корвет «Цукуба». В 1898 г. Токийская школа получила построенный в 1874 г. в Глазго трехмачтовый парусник «Мейджи-Мару». Учеников в эти школы набирали в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. Поступающие сдавали четыре вступительных экзамена: по чтению, письму, арифметике и географии. Занятия на двух отделениях — морском и механическом — начинались в сентябре. После годичного теоретического курса с парусными учениями, проходившими два раза в неделю, начиналась трехлетняя практика на коммерческих судах. Затем проходил выпускной экзамен, завершавшийся присвоением морского звания [6, с. 70].

Рыбохозяйственных специалистов обучал, например, Императорский рыболовный институт (Суисан Кошуджио). Он принадлежал Департаменту земледелия и торговли и имел два факультета: образовательный и экспериментальный. Образовательный факультет объединял три отделения: рыболовства, технологии рыбных продуктов и рыбоводства с трехлетним сроком обучения, причем третий год посвящался исключительно выполнению практических заданий. На отделении рыболовства, помимо общих с другими отделениями дисциплин, изучались методы добычи и изготовления рыбопродукции, навигация, морская практика, кораблестроение, метеорология и математика [39, с. 6—7].

Студенты регулярно направлялись на Камчатку для прохождения практики. Так, 12 июля 1922 г. в Петропавловск зашло учебное судно «Унион-Мару», на котором с целью «изучения Камчатского края» прибыли двадцать студентов, знакомившихся с рыбным и пушным промыслами [40, № 48].

До конца 1920-х гг. Камчатка не располагала собственным морским транспортным и рыбопромысловым флотом. С внешним миром полуостров в тот период был связан посредством судов Совторгфлота или фрахтованных иностранных, в основном японских, пароходов. Рыбная промышленность носила ярко выраженный сезонный характер: промыслы работали около четырех месяцев в году.

Отдаленным прообразом будущего камчатского судоходного предприятия стал Губкомхоз — отдел коммунального хозяйства губревкома. В начале 1924 г. в его составе имелись общий и торговый подотделы. Последнему поручалось снабжение жителей губернии товарами и продуктами. В связи с этим ему следовало иметь плавсредства, пригодные для развоза грузов по глубинным пунктам полуострова, и мастерске для ремонта судов. И то, и другое появилось у него во второй половине 1924 г. В ведение Губкомхоза перешли несколько деревянных парусно-моторных шхун небольшого водоизмещения.

С целью укомплектования их экипажей 8 декабря 1924 г. городской комитет Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) обращался к губернским властям с ходатайством «о возбуждении вопроса перед центром о предоставлении Камчатской организации РКСМ трех мест в морских школах Дальнего Востока» [41, л. 70]. Видимо, это ходатайство следует рассматривать как первую попытку отправить за пределы Камчатки местных жителей для обучения их морским специальностям. К сожалению, ее результат для нас неизвестен.

Еще один интересный эпизод, на сей раз касающийся обучения местного населения ведению китобойного промысла, связан с деятельностью в камчатских водах норвежского предпринимателя Х. Христиансена. 22 мая 1923 г. в Москве был подписан концессионный договор, в соответствии с которым ему предоставлялось право боя китов в пределах двенадцатимильной полосы вдоль северных берегов СССР. Срок действия концессии устанавливался до 1 января 1938 г. [42].

Первым сезоном работы компании Христиансена, носившей название «Вега», стал 1925 г. Ее флотилия состояла из китобойцев и плавбазы «Комодорен I» дедвейтом 9 000 т. Она промышляла вдоль восточного побережья Камчатки, преимущественно в районах бухт Моржовой и Глубокой. Численность экипажей судов флотилии насчитывала сто двадцать человек, из которых на плавбазе работали восемьдесят, а на каждом китобойце — по десять.

Согласно одному пункту договора, «Вега» была обязана принимать в качестве рабочих-учеников граждан СССР. В 1925 г., когда суда компании пришли из Мексики в Петропавловск, на них с целью обучения ведению промысла и обработки китов направили группу камчатцев. «Всего наших рабочих там было десять человек...» [43, л. 93]. Ученики провели весь сезон промысла в море.

Следующий сезон «Веги» завершился в конце октября 1926 г. Газета «Полярная звезда» извещала жителей Петропавловска о том, что «командированные нашими профсоюзами на китобойные суда ученики возвратились. По сообщению командира судов, в нынешний сезон поймано 283 кита» [44, № 93]. В 1927 г. деятельность «Веги» прекратилась: Главконцесским расторг договор с обществом своим постановлением от 13 октября 1927 г.

Трехлетний период практического обучения на флотилии, принадлежавшей норвежцам, считавшимися лучшими в мире специалистами-китобоями, для камчатских учеников не пропал даром: после создания в 1932 г. первой советской китобойной флотилии «Алеут» один из наших земляков — Н. А. Дмитриев — заведовал на ней производством [45, с. 57].

В целом попытки организовать подготовку морских и рыбопромысловых кадров на Камчатке по-прежнему носили эпизодический характер. Специализированное учебное заведение на территории полуострова в конце 1920-х гг. создано так и не было.

АКЦИОНЕРНОЕ КАМЧАТСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КАДРОВ ДЛЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Летом 1927 г. решением правительства СССР было создано Акционерное Камчатское общество (АКО), целью которого стало комплексное развитие экономики полуострова. Практическая деятельность общества началась в конце 1927 г. подготовкой к сезону 1928 г. Основным направлением деятельности АКО, акционерами которого являлись только государственные предприятия, стало развитие рыбной промышленности.

Работа АКО сопровождалась многократным увеличением численности персонала, занятого в рыбопромышленности и обслуживавших ее производствах. В течение первых шести лет существования АКО (1928—1933 гг.) количество рабочих выросло в 5,54 раза. Этот процесс представлен в табл. 1.

Таблица 1

Год	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Число рабочих	3 017	5 689	9 222	10 731	12 164	16 707
В том числе постоянных	—	—	633	2 726	3 707	5 927

Как видно из табл. 1, с 1931 по 1933 г. число работников, завезенных на полуостров и оставшихся здесь, выросло с 25,4 до 35,5 %. В начале 1930-х гг. из числа переселенцев, закрепившихся на Камчатке, началось формирование постоянного источника рабочей силы.

В этот же период шло активное замещение японской рабочей силы, традиционно использовавшейся на промыслах полуострова еще с конца XIX в., отечественной (табл. 2).

Таблица 2

Год	Число рабочих			
	русских	японских	всего	японских в %
1928	1 418	1 599	3 017	52
1929	2 901	2 788	5 689	49
1930	6 242	2 980	9 222	32
1931	9 726	1 005	10 731	9
1932	11 604	506	12 164	4
1933	16 707	—	16 707	—

С 1933 г. труд иностранцев в рыбной промышленности Камчатки не использовался [46, с. 254].

С самого начала работы АКО обратило внимание на необходимость подготовки и закрепления кадров, работавших на Камчатке, так как оно с первых же дней столкнулось с острой нехваткой квалифицированного персонала, как низшего, так и руководящего звена. С января 1928 г. правление АКО, размещавшееся вначале в Хабаровске, а затем переехавшее во Владивосток,

неоднократно рассматривало вопросы о направлении своих работников в различные учебные заведения морского и рыбохозяйственного профиля, а также о создании собственных курсов и профессионально-технических школ. Уже 28 января 1928 г. оно решило учредить для студентов Дальневосточного морского рыбопромышленного техникума, созданного на основании постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 5 ноября 1927 г., шесть стипендий «имени АКО по 15 руб. в месяц каждая» на текущий год [47, л. 286 об.].

Для организации подготовки рабочих АКО в 1928 г. обратилось в Москву с просьбой выделить на это средства. Обучение кочегаров, мотористов и машинистов должно было проходить в мастерских при Центропрозе Народного комиссариата продовольствия и снабжения СССР (НКПС). Расход на обучение одного человека определялся равным 354 руб. в год [47, л. 219].

Весной 1928 г. у АКО появился собственный морской флот: два небольших транспортных судна (парусно-моторная шхуна «Чукотка» и теплоход «Охотск») и плавучий крабоконсервный завод «Камчатка». Последний из-за отсутствия отечественных специалистов был укомплектован японскими ловцами, рабочими и мастерами. Теперь со всей очевидностью встала необходимость подготовки и плавсостава. Осенью 1928 г. начальник транспортного отдела АКО Языков отмечал, что обществу требуются 343 моряка и 78 береговых специалистов для обслуживания судов. С подбором моряков могли возникнуть большие проблемы, так как лучшие из них работали на судах Совторгфлота. «Вероятно, придется использовать безработную рабочую силу, которая сейчас [имеется] на Балтике, но этих капитанов сразу посылать в плавание будет невозможно (из-за незнания местных навигационных условий. — С. Г.). С низшей рабочей силой то же самое положение» [47, л. 198—199]. Для подготовки низшего плавсостава можно было использовать открываемые во Владивостоке Союзом водников курсы кочегаров.

Специалистов среднего звена следовало обучать в техникумах. К началу 1930-х гг. на Дальнем Востоке работали 17 техникумов, среди них организованный в 1923 г. на базе бывшего Александровского училища Водный техникум путей сообщения и открытый в 1927 г. Дальневосточный морской рыбопромышленный техникум. АКО настаивало на расширении последнего. 15 апреля 1929 г. правление АКО рассматривало ходатайство рыбопромышленного техникума об установлении учащимся за счет общества десяти стипендий по 40 руб. и предоставлении им мест практики на его предприятиях [47, л. 40].

Обучение инженеров для нужд АКО велось на контрактной основе в ряде вузов. С 1 января 1930 г. контрактованным студентам устанавливались следующие месячные стипендии: на первом и втором курсах — 100, третьем — 125, четвертом — 150 руб. [47, л. 108—110]. Высшее морское или рыбохозяйственное образование в то время можно было получить только на факульте-

тах водных сообщений в Московском и Ленинградском институтах инженеров транспорта, на кораблестроительном факультете Ленинградского политехнического института им. Калинина и на рыбохозяйственном факультете Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

В 1930 г. рыбохозяйственный факультет был выделен из состава Тимирязевской академии в самостоятельный Московский институт рыбной промышленности (Мосрыбвтуз). Осенью этого же года были организованы еще два новых рыбных вуза — в Астрахани (Астрыбвтуз) и во Владивостоке (Дальрыбвтуз).

Открытый в октябре 1930 г. для «дела выковывания новых пролетарских специалистов, командиров-ленинцев» Дальрыбвтуз имел два отделения: консервное и технологическое, факультеты: механизации добывающего флота, технологической техники, рыбоводно-биологический и экономический. Срок обучения составлял три или четыре года. При институте действовали также двухгодичные подготовительные курсы. Из-за недостатка собственных помещений в первый год его работы занятия для 95 студентов и 65 рабфаковцев проводились в лабораториях бывшего Дальневосточного университета [6, с. 165].

В 1931—1932 учебном году в Дальрыбвтузе на первом курсе числились 62, на втором — 92 студента, рабфак посещал 101 слушатель. Их учили 38 педагогов. На трех курсах рыбопромышленного техникума занимались 218 чел., их обучали 28 преподавателей [6, с. 173].

Таким образом, в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке сложилась система подготовки кадров для флота и рыбной промышленности, состоявшая из трех последовательных ступеней:

— на краткосрочных курсах и в школах фабрично-заводского ученичества готовились кадры массовых профессий, то есть квалифицированные рабочие;

— техникумы и курсы для среднего комсостава обучали управленческие и технические кадры средней квалификации, как правило, техников;

— институты выпускали специалистов с высшей квалификацией — инженеров, будущих руководителей и организаторов производства.

Обучение шло по дневной и вечерней форме, при этом на всех трех ступенях теоретическое обучение сочеталось с практическим.

Подготовка мотористов для работы на рыбокомбинатах велась на собственных курсах АКО. В декабре 1929 г. заведовавший ими Горский обращался к руководству общества с просьбой выделить для практического обучения слушателей два мотора. Правление решило предоставить для этой цели американский «Фербенкс-Морзе» и японский «Симамото» с необходимыми приспособлениями. Слушатели курсов, работавшие на предприятиях, имели сокращенный до пяти часов рабочий день, а безработным выплачива-

лась стипендия 50 руб. в месяц, за что они должны были проработать по окончании курсов в АКО не менее года.

В связи с расширением в 1929—1930 гг. состава морского транспортно-го флота и увеличением числа моторных кунгасов в рыбокомбинатах, АКО не успевало готовить для них специалистов своими силами, поэтому оно обратилось к Совторгфлоту с просьбой о предоставлении ему четырех мест на курсах по повышению квалификации мотористов и перечислило за это 1 200 руб. Кроме этого, 33 чел. обучались во Владивостокской школе ученичества водного транспорта. За них общество внесло в октябре и декабре 1929 г. аванс в сумме 3 000 руб. Плата за обучение этой группы в 1930 г. определялась в 39 427 руб. и была, по мнению правления АКО, чрезмерно высока [47, л. 103 об.].

Комитет по делам Камчатки и Сахалина, действовавший при Совете Труда и Оборона — органе Совнаркома СССР, в 1930 г. отмечал «неудовлетворительное состояние кадров» и предлагал «проработать вопрос об организации на Камчатке специального техникума с отделениями: рыбным, сельскохозяйственным, горным и механическим, также развить краткосрочные курсы, как специальные, так и на всех заводах и промыслах, с привлечением местного населения» [48, л. 5].

В 1930 г. правление АКО было преобразовано в дирекцию и переехало из Владивостока в Петропавловск. 10 сентября 1930 г. дирекция приняла постановление, в котором впервые упоминается о необходимости учреждения на полуострове среднего специального учебного заведения рыбохозяйственного профиля. Текст постановления, в частности, гласил: «Немедленно в 1930 г. начать подготовительную работу по организации в Петропавловске выше-среднего учебного заведения (техникума) с факультетами: а) рыбо-мясной; б) транспорта и связи; в) лесной». Кроме этого, следовало «срочно организовать на зимний период курсы по подготовке мотористов, старшин, машинисток, счетоводов» и разработать в 1931 г. план замены японской рабочей силы отечественной, а также составить список желающих учиться в вузах [49, л. 20 об.].

В феврале 1931 г. строительное управление АКО рассматривало заявку отдела кадров общества на сооружение зданий для двух учебных заведений на общую сумму 422 000 руб., из которых решено было «заявку на постройку политехникума в сумме 320 000 руб. принять и утвердить, а на профшколу в сумме 102 000 руб. принять условно» [49, л. 63].

Техникум на Камчатке в начале 1930-х гг. был создан, но не в Петропавловске, а в Усть-Камчатске. Здесь, в крупнейшем центре рыбной промышленности полуострова на восточном побережье, действовал «Комбинат рабочего образования», включавший школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) для юношества, рабоче-техническую школу и техникум. Сведения об этом учебном комбинате крайне ограничены. Известно лишь то, что к осени

1931 г. во всех трех учебных заведениях числились 370 учащихся, а к его концу перед выпуском — всего 260. Высокий отсев (30 %) объяснялся в первую очередь тяжелыми бытовыми условиями — здесь недоставало жилых и учебных помещений [50, л. 5].

Официальный «Отчет о работе школ и учебных заведений за 1932—1933 гг.» в разделе «Предварительные итоги 1932—1933 учебного года» содержит сведения о действии двух «средне-учебных» заведений. В их число были включены рабфак при Дальрыбвтузе, где обучались 46 чел., и некий «Рыбпромуч» с 50 учащимися, действовавший при Рыбном управлении АКО. Выпуска в истекшем учебном году оба учебных заведения не производили [51, л. 5]. Вероятно, они оба входили в Усть-Камчатский комбинат рабочего образования, но более подробные сведения об этом пока не обнаружены.

Важнейший рыбопромысловый район на Западной Камчатке — Больше-рецкий — также нуждался в подобном учебном заведении. Районный исполнительный комитет обращался к областным властям с предложением выделить средства на его создание. «Учитывая, что ведущей отраслью хозяйства в Больше-рецком районе является рыбное хозяйство, а в связи с этим [имеется] громадный спрос на кадры, назрела острая необходимость в открытии в районе рыбного техникума. Основываясь на постановлении Четвертого районного съезда Советов, просим областной исполнительный комитет об отпуске средств по линии АКО на развертывание строительства с началом такового в 1934 г. . .» [52, л. 246 об.]. О том, были ли сделаны какие-либо конкретные шаги по созданию техникума, сведений не выявлено, но известно, что спустя десятилетие в районе действовала школа ФЗУ.

В 1932—1933 гг. в Петропавловске при агентстве Совторгфлота, являвшемся тогда главным распорядителем местного портового хозяйства, действовали курсы по подготовке членов экипажей маломерных плавсредств. 14 февраля 1933 г. морской агент сообщал, что большого недостатка квалифицированных работников агентство не имеет, а нехватка плавсостава «покроется за счет курсантов, занимающихся на курсах. В настоящее время в агентстве СТФ функционируют: а) кружок старшин маломерных катеров — 8 чел., б) мотористов катеров до 40 т — 7 чел., в) начальный курс английского языка — 12 чел., г) английский язык (повышенный курс) — 10 чел., д) грузчиков — 63 чел. Всего охвачено на сегодняшнее число 100 чел. Продолжительность курсов пять с половиной месяцев: с 15 ноября по 1 мая» [53, л. 31].

Осенью 1934 г. начальник АКО И. А. Адамович, выступая на Втором областном съезде Советов, заявил: «Не можем мы похвастаться и хорошим использованием наших культурных технических кадров. У нас нет еще фаб-завучей, мало культурных учреждений в наших предприятиях, у нас большая нужда в рыбном техникуме, открытие которого задерживается из-за отсутствия помещения. Сейчас наша боевая программа — организовать

переподготовку в течение зимы 6 000 рабочих, чтобы встретить путину будущего года значительно более высококвалифицированным кадром рабочих, которые должны стать костяком, ведущим за собой всю массу сезонников и играющим в отношении их колоссальную роль взводных командиров в деле борьбы за план» [54].

В 1936 г. областные власти подготовили проект постановления бюро Хабаровского Далькрайкома ВКП(б) (территориально Камчатская область в то время входила в состав Дальневосточного края). Проект, в частности, гласил: «На базе Камчатской Совпартшколы организовать в 1937 г. рыбный техникум АКО, в связи с этим здание Совпартшколы передать под техникум». Но и это предложение не нашло воплощения.

В феврале 1938 г. в Петропавловске проходило областное совещание стахановцев. Выступавшие на нем работники комбинатов дружно высказывались за открытие на Камчатке рыбного техникума [55, № 38].

Вопрос, что называется, «назрел». 27 ноября 1938 г. в газете «Камчатская правда» появилась статья В. Сигидина «Среднетехнические кадры готовить на месте». В ней автор говорил о том, что рациональное ведение хозяйства возможно лишь при закреплении на полуострове рабочей силы, прибывающей с материка, и в случае привлечения в рыбную промышленность местных жителей. Одним из препятствий этому являлось отсутствие возможности получить хорошее специальное образование на месте.

«Но людей надо учить. Для этого необходима организация крупной учебной базы, среднетехнического училища, готовящего техников по лову и обработке рыбы, старшин и мотористов, а также, если понадобится, специалистов по обработке металла и дерева...

После разгрома вражеских вредительских гнезд трудящиеся Камчатки с большим подъемом преодолевают последствия подрывной деятельности врагов. Этот подъем надо закреплять. Одним из мероприятий к этому и будет организация серьезной учебы новых кадров. Рыбный техникум можно организовать в Петропавловске, поручив это дело АКО. Техникум по обработке металлов, хотя бы вечерний, надо создать на судоремонтном заводе... (имеется в виду Петропавловская судоверфь. — С. Г.).

Нельзя забывать и о молодежи, оканчивающей наши полные и неполные средние школы. В 1939 г. выпускников этих школ будет около трехсот человек. Где им учиться? Человек 50—60 в состоянии охватить педучилище, медицинская школа и разные курсы. Но этого явно недостаточно. Надо дать возможность всем выпускникам продолжить образование, по возможности, в пределах области. Это намного двинет вперед дело освоения Камчатки» [55, № 271].

В последующие годы предпринимались еще несколько попыток организовать в Петропавловске рыбопромышленный техникум, но все они оказа-

лись неудачными. В течение 1938—1940 гг., по словам руководителя группы подготовки кадров АКО Демидова, произнесенным в 1942 г., «с разрешением вопроса организации Моррыбтехникума торопили наркомат мы, а последний в лице Управления учебными заведениями недостаточно сам торопился...»

В «Набросках схемы первого варианта третьей пятилетки АКО», то есть в планах развития общества на 1938—1942 гг., предполагалось, что к концу указанного периода оно должно освободиться от массового завоза сезонной рабочей силы, доведя численность собственных рабочих до количества, полностью покрывающего потребность в кадрах. Для их подготовки, наряду с повышением квалификации на краткосрочных курсах на местах, следовало организовать техникум с четырехлетним курсом обучения по подготовке старшин кавасаки, мастеров (крабовых, засольных, икрянщиков, консервных заводов, маринадного дела, копильщиков и холодильщиков), бригадиров (неводчиков, мотоботчиков, мойки, резки и укладки), счетоводов, кочегаров [56, л. 179].

В 1940 г. подготовка кадров рабочих профессий из числа бывших школьников с неполным средним образованием шла в школе ФЗУ, действовавшей при Петропавловской судоремонтной верфи. Организация рыбопромышленного техникума в Петропавловске откладывалась из-за нехватки в 1940—1941 гг. для этой цели средств (требовалось примерно 4,2 млн руб.) [57, л. 378]. Пока же из-за отсутствия в городе собственного учебного заведения подготовка управленческих специалистов с квалификацией «техник» по-прежнему велась во Владивостоке в морском рыбопромышленном техникуме и учебном комбинате Главвостокрыбпрома.

Краткосрочной подготовкой рядовых специалистов все так же занимались различные курсы. В феврале 1938 г. открылись курсы «водителей катеров» в Петропавловском порту АКО. «Работа их рассчитана с февраля по 1 мая. Но при такой организации учебы, какая есть на сегодня, вряд ли курсы окончат свою работу к этому сроку. Преподаватели... систематически опаздывают, а часто вовсе не являются на занятия. В результате курсы стали посещать 18—20 человек вместо 34...» [55, № 76].

Недостаток кадров для младшего управленческого звена в некоторой степени восполнялся на курсах, организованных при АКО в Петропавловске. В июне 1938 г. АКО объявило о начале учебы радистов и счетоводов. На нее принимались лица с образованием не ниже семи классов в возрасте не моложе восемнадцати лет. Срок обучения радистов определялся в семь, а счетоводов — в четыре месяца. Стипендия составляла 200—300 руб. в месяц [55, № 130].

В 1939—1940 гг. помещения курсов представляли собой два каркасно-засыпных барака. Один из них состоял из двух классов, рассчитанных на 60 чел., второй использовался как общежитие, где проживали около 40 чел. Эти помещения располагали кустарным полуизносившимся инвентарем и неболь-

шим количеством наглядных пособий. Они отапливались железными печами, расходовавшими много топлива, но дававшими мало тепла [58, л. 224].

Плавсостав судов АКО флота и Морлова пополняли выпускники курсов, открытых при АКО 1 октября 1940 г. На них обучались 30 машинистов 1-го класса (для обслуживания судовых паровых машин), 29 матросов и 30 кочегаров 1-го класса, то есть всего 89 чел. Их большинство составляли демобилизованные красноармейцы, считавшиеся «наиболее выдержанными и дисциплинированными товарищами» [58, л. 226].

7 июля 1941 г. девятимесячные занятия завершились. Для проверки знаний и присвоения курсантам квалификации машинистов с 8 по 14 июля прошли экзамены по дисциплинам «Паровые котлы», «Паровые машины», «Вспомогательные механизмы», «История ВКП(б)». 17 июля новоиспеченные специалисты отправились на суда [59, л. 283].

В этом же 1941 г. наконец «оформился» вопрос об организации при АКО морского рыбопромышленного техникума. В конце этого года АКО получило типовой проект его здания. Окончательный перелом произошел в начале 1942 г. По словам одного из руководителей АКО, «теперь иное положение, теперь наоборот: сам наркомат торопит нас со скорейшей организацией техникума при АКО. В таком решительном переломе играет, видимо, роль постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)...» [60, л. 100]. Речь здесь идет о решении открыть в этом году в Петропавловске морской рыбопромышленный техникум с общежитием для студентов, принятом правительством СССР 6 января 1942 г. Открытие состоялось в октябре этого же года.

Подведем итоги. Ранние проекты устройства на Камчатке учебных заведений морского профиля были предложены в первой половине XVIII в. Камчатка в это время являлась одной из наиболее неразвитых окраин государства с только начинавшим складываться постоянным оседлым населением. Первым профессиональным образовательным учреждением на полуострове стала Петропавловская ремесленная школа, заработавшая в 1810-х гг. Морских специалистов она не готовила, но, тем не менее, ее можно рассматривать как прообраз ныне действующих профессиональных училищ, выпускающих квалифицированный персонал для судоремонта и судостроения.

В середине XIX в., после переноса на полуостров главной базы флота, здесь заработали специализированные учебные заведения, предназначенные для покрытия потребности как в морских офицерских кадрах (Петропавловское морское училище), так и в специалистах младшего и среднего звена (Петропавловская школа кантонистов). Училище и школа кантонистов стали предшественниками ныне действующих морского вуза и политехникума, но в целом этот эксперимент результата не дал, будучи прерван ввиду сложной внешнеполитической обстановки, вынудившей переместить главный тихоокеанский порт России из Петропавловска в Приамурье.

Реальное решение вопроса о необходимости обучения на Камчатке специалистов для промыслового и транспортного флота, рыбной промышленности, судоремонта и судостроения началось в 1930-х гг., когда Камчатка превратилась в один из основных рыбных и валютных «цехов» страны. На первых порах он решался в форме курсовой подготовки требующихся специалистов низшего и среднего звена из взрослого населения непосредственно на месте и контрактного обучения руководителей среднего и высшего звена в вузах и техникумах, расположенных за пределами полуострова.

ИСТОЧНИКИ

1. *Князков С.* Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. — М.: 1909. — 709 с.
2. *Костылев И.* Верность долгу и морским традициям // Морской флот. — 2001. — № 3. — С. 40.
3. *Скрицкий Н.* Преподаватели навигацкой школы // Морской флот. — 2000. — № 5—6. — С. 39.
4. *Студенецкий С. А.* Все начиналось с навигацкой школы // Рыбное хозяйство. — 2001. — № 1. — С. 47.
5. *Фомин Ю.* Первая морская академия России — детище Петра I // Морской флот. — 1997. — № 4. — С. 27—28.
- 5а. *Волков Е. Т.* Зарождение и развитие библиографии о флоте и судостроении в России // Судостроение. — 1979. — № 5. — С. 59—61.
6. *Королюк В. П.* История ДВГМА (морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах). — Владивосток, 2001. — 378 с.
7. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958. — 157 с.
8. *Сгибнев А. С.* Морской сборник. — 1869. — № 11, ч. неоф.
9. *Скрицкий Н.* Якутская и Охотская навигацкие школы // Морской флот — 2004. — № 4. — С. 56—58.
10. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. — СПб., 1901. — 752 с.
11. *Колотов Н. А.* История морского образования на Дальнем Востоке. — М., 1962. — 200 с.
12. *Геготаулина Л. А.* В какие школы камчадалы охотно отдавали своих детей? (К истории школьного строительства на Камчатке в 40-е гг. XVIII в.) // Материалы XXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 83—87.
- 12а. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1650 г. — 1742 г. // Морской сборник, 1869. — № 4.
- 12б. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1816 г. — 1856 г. // Морской сборник, 1869. — № 8.
13. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1772 г. — 1816 г. // Морской сборник. — 1869. — № 7.
- 13а. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759 г. — 1772 г. // Морской сборник, 1869. — № 6.

14. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях / Сост. Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 503 с.
15. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
16. РГА ВМФ, ф. 283, оп. 1, д. 1881.
17. РГИА ДВ, ф. 1264, оп. 1, д. 168.
18. Журнал Министерства внутренних дел. Часть X. — СПб., 1833. — 96 с.
19. *Гезотаулина Л. А.* Профессиональное обучение в первой половине XIX в. // Третьи международные исторические Свято-Иннокентьевские чтения, посвященные 300-летию присоединения Камчатки к России. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — С. 59—65.
20. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 112 с.
21. РГА ВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 4.
22. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1992. — 191 с.
23. *Кусков В. П.* Камчатские были. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — 112 с.
24. Норд-Ост. Люди. Природа. История. — Петропавловск-Камчатский, 1986. — 152 с.
25. Советская военная энциклопедия. — Т. 4. — М., 1977. — 655 с.
26. РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 29.
27. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. — Т. 2. — СПб., 1997.
28. РГИА ДВ, ф. 1034, оп. 1, д. 15.
29. *Унтербергер П. Ф.* Приморская область 1856—1898 гг. Очерк / Записки Императорского РГО. — Т. 8. — Вып. 2. — СПб., 1900. — 324 с.
30. *Сильницкий А.* Поездка в северные округа Приморской области. — Хабаровск, 1902. — 185 с.
31. *Богданов Д.* Обзор Приморской области. — Владивосток, 1909. — 135 с.
32. РГИА ДВ, ф. 1, оп. 4, д. 2212.
33. Доклад и. д. советника Приморского областного правления Ф. Ф. Сомова военному губернатору приморской области по ревизии Гижигинского уезда в 1907 году. — Б. м., б. г.
34. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 682.
35. Всеподданнейший отчет губернатора Камчатской области действительного статского советника Мономахова за 1912 и 1913 гг. — Б. м., б. г.
36. ГАКО, ф. 10, оп. 1, д. 4.
37. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 1.
38. *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906—1910 гг. — СПб., 1912.
39. *Солдатов В. К.* Разведение лососевых пород в Японии. Отчет по командировке в Японию в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. — Т. 1. — Вып. 3. — СПб., 1912.
40. Камчатский листок. Комплект за 1922 г.
41. ЦДНИКО, ф. 19, оп. 1, д. 86.
42. Отчет Дальзэкономическому Совещанию РСФСР / Под ред. М. И. Целищева. — Б. м., 1924. — 416 с.

43. ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 41.
44. Полярная звезда. Комплект за 1926 г.
45. *Карпухина И. В.* Комсомол Камчатки 20-х годов // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — Вып. 2.
46. *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. — М.; Л., 1936. — 809 с.
47. ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 1.
48. Там же, д. 24.
49. Там же, д. 2.
50. Там же, д. 39.
51. Там же, ф. 138, оп. 1, д. 1.
52. Там же, ф. 207, оп. 1, д. 17.
53. ГАКО, ф. 140, оп. 1, д. 8.
54. *Адамович И. А.* Некоторые итоги работы Акционерного Камчатского общества // Тихоокеанский коммунист. — 1935. — № 1. — С. 22—28.
55. Камчатская правда. Комплект за 1938 г.
56. ЦДНИКО, ф. 2, оп. 2, д. 101.
57. Там же, д. 466.
58. Там же, д. 316.
59. ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 117.
60. Там же, д. 659.

КАМЧАТКА И ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИМИ ЮЖНЫХ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В XVIII в.

Каждый раз, когда готовится очередной визит российского лидера в Японию, активизируется обсуждение проблемы принадлежности Южных Курильских островов. Так было перед визитом М. С. Горбачева в Японию в 1991 г. и Б. Н. Ельцина в 1993 г. В 2005 г. должен состояться визит в Японию президента В. В. Путина, что он подтвердил 9 мая 2005 г. на встрече в Москве с японским премьер-министром.

Японские газеты в связи с этим пишут, что наверняка Путин едет в Японию, чтобы вернуть Курилы. То же самое они писали перед визитом Ельцина: «Ельцин за рюмкой водки непременно отдаст острова» [1]. Но Ельцин не решился на это, предложив свой план решения проблемы из пяти этапов. Пятый этап предполагает, что окончательное решение о принадлежности островов должно решить следующее поколение политиков через пятнадцать-двадцать лет. Пока прошло двенадцать...

Одним из аргументов японской стороны в пользу нужного Японии результата визита Путина является заявление министра иностранных дел России С. Лаврова 14 октября 2004 г. о том, что «Москва признает Декларацию 1956 г. и, таким образом, два острова Южной Курильской гряды могут быть переданы Японии» [2]. О серьезности этого заявления свидетельствует тот факт, что именно в этот день, 14 октября 2004 г., в ходе визита в Китай президента Путина, было подписано дополнительное соглашение о российско-китайской границе, предусматривающее передачу Китаю островов на Амуре площадью 800 кв. км.

В Японии Южные Курилы называют «северными территориями». Это — группа островов к северу от Хоккайдо: Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Хабомаи (в переводе «Пляшущие зубы») представляют собой архипелаг из пяти небольших островов: Зеленый, Полонского, Юрий, Анучина, Танфильева и мелких рифов: Демина, Лисьи, Шишки и Сигнальный [3, с. 343].

Вместе с островом Шикотан архипелаг Хабомаи образует Малую Курильскую гряду. Именно ее Советский Союз был готов вернуть в 1956 г. в случае заключения мирного договора с Японией. Общая площадь «северных территорий» составляет 4 996 кв. км. Это третья часть всех Курильских островов (15,6 тыс. кв. км). Для сравнения: совокупная территория семи европейских государств-карликов — Андорры, Ватикана, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако и Сан-Марино равна 3 663 кв. км. Острова и окружающая акватория богаты природными ресурсами.

Япония считает, что СССР в 1945 г. незаконно оккупировал «северные территории». Их возвращение стало своеобразной объединяющей национальной идеей. Все сорок семь японских политических партий имеют специальные отделы и особые программы «возвращения северных территорий». Дальше всех идет коммунистическая партия, требующая возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. На японских картах Южные Курилы обозначены как японская территория.

С 1981 г. ежегодно 7 февраля (день подписания Симодского трактата «О торговле, мореплавании и определении границ» в 1855 г.) в Японии отмечается как «День северных территорий». В этот день по всей стране проходят митинги с траурными флагами. Кстати, уже шестьдесят лет в бывшие японские поселки на Южных Курилах, где до 1945 г. проживало более 16 тыс. чел., назначаются японские мэры и начальники полиции, которые не могут прибыть к месту службы на «оккупированной» территории. Правда, мэр города Немуро на севере Хоккайдо иногда посещает архипелаг Хабомаи с «инспекцией». В детских садах на Хоккайдо детей с трехлетнего возраста учат показывать на карте «северные территории». В Немуро на здании городской администрации реет бледно-голубое полотнище с надписью на русском языке: «Северные территории — земля Японии». Неподалеку находится восьмидесятиметровая смотровая башня с черной вывеской: «Дальше — тоже Япония» [1].

К сожалению, и в России встречаются представители политической элиты, считающие, что мы не обеднеем, отдав Японии эти «пять скал в океане», как назвал Южные Курилы А. Козырев, глава Министерства иностранных дел России в начале ельцинской эпохи. Кстати, «Комсомольская правда» в 1993 г. назвала одну из статей о курильской проблеме «Козыревский открыл Курильские острова, а Козырев хочет их закрыть». Аргументом таких людей является миф о том, что после урегулирования территориальной проблемы на Россию прольется «золотой дождь» инвестиций из Японии. И ради этого, якобы, стоит пожертвовать Южными Курилами, иными словами, продать их Японии.

Но аппетиты Японии постоянно растут. Она действует по принципу: «Требуй больше, чтобы получить хотя бы малое». Если в Декларации 1956 г. речь шла о двух спорных островах — Шикотане и Хабомаи, то во время визита Ельцина в Японию в 1993 г. была принята декларация, в которой предметом дальнейших переговоров названы уже четыре острова — плюс Кунашир и Итуруп.

А накануне нынешнего визита российского президента японский парламент принял специальную резолюцию в связи со столетием Симодского трактата, в которой говорится, что развитию российско-японских отношений сегодня мешают нерешенные территориальные вопросы, и преж-

де всего «проблема принадлежности Хабомаи, Шикотана, Кунашира, Итурупа и других северных территорий» [4]. То есть сегодня японский парламент трактует понятие «северные территории» шире, чем Южные Курилы. Что стоит за «другими северными территориями»? Вся Курильская гряда до Камчатки, Сахалин, а может, и Камчатка? Ведь в 1905 г. японский лейтенант Гундзи Наритада устанавливал в захваченных камчатских селениях доски с надписью «Сей земля есть японский».

Кстати, 2005 г. является юбилейным в российско-японских отношениях не только для Симодского трактата. Сто тридцать лет исполняется Санкт-Петербургскому договору 1875 г., по которому Япония получила все Курильские острова за отказ от притязаний на Сахалин, сто лет исполняется Портсмутскому договору 1905 г., по которому к Японии отошел Южный Сахалин. И, наконец, шестьдесят лет назад Япония была разгромлена, и СССР получил права на владение всеми Курильскими островами по решению Ялтинской и Потсдамской конференций.

Откуда же взялись «нерешенные территориальные проблемы»? Япония выдвигает топонимические, юридические и исторические аргументы для доказательства «незаконности оккупации» Советским Союзом «северных территорий» в 1945 г. В решениях Ялтинской и Потсдамских конференций речь идет о передаче СССР Курильских островов, а «северные территории», по японской версии, никогда не считались в Японии частью Курильских островов, а являются отрогами острова Хоккайдо. Этот аргумент легко опровергается тем фактом, что на довоенных японских картах все острова Большой и Малой Курильских гряд имели единое название — Тисима («Тысяча островов»). И все они составляли единую провинцию с тем же названием [5, с. 6].

Юридические аргументы Японии следующие:

1. Япония не была участницей Ялтинской и Потсдамской конференций, и их решения не имеют для нее юридической силы.

2. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. не дает СССР никаких прав на Курильские острова, так как он его не подписал, а в договоре не определено, к какой стране переходят эти острова.

3. До 1945 г. Россия, а затем СССР добровольно признавали Южные Курильские острова японской территорией, что подтверждается Симодским трактатом, Санкт-Петербургским и Портсмутским договорами.

Но Япония не имеет права ссылаться на эти договоры, так как она сама их фактически разорвала, начав русско-японскую войну 1904—1905 гг., оккупировав российский Дальний Восток в 1918—1922 гг. (а Северный Сахалин до 1925 г.), развязав агрессивные действия на советских границах в 1930-е гг.

4. 19 октября 1956 г. в совместной Декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений СССР согласился на

передачу Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотана.

Но в 1960 г. СССР фактически денонсировал эту Декларацию, заявив о невозможности передачи островов в связи с подписанием японо-американского договора «О взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности», который давал вооруженным силам США — в то время потенциальному противнику СССР — право использовать японскую территорию для своих целей.

Остается последний аргумент японской стороны — исторический: «северные территории» должны принадлежать Японии по праву приоритета в их открытии и освоении. С этим нельзя согласиться, и попытаемся это несогласие обосновать.

Несомненно, японцы узнали о Южных Курилах почти на сто лет раньше русских. Но первооткрытием считается получение достоверных сведений о неизвестной ранее земле в результате ее посещения и исследования и объявление об этом цивилизованному миру. Мир же получил первые достоверные сведения об этих островах от русских исследователей — И. П. Козыревского и М. П. Шпанберга. Японцы вели активную торговлю с коренными жителями северного Хоккайдо и ближайших к нему островов — айнами — уже в XVII в. Но это нельзя считать первоосвоением этих земель. Первоосвоением является создание собственных поселений на вновь открытой земле, либо признание аборигенами власти над собой открывшей их страны посредством уплаты налогов. В этом русские опередили японцев на тридцать лет. Эти факты признают многие японские историки. Так, Тосиюки Акидзуки высоко оценивает роль И. П. Козыревского в открытии Курильских островов: «В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были еще составить описания каждого из этих островов, отчет о них И. Козыревского имел поистине огромное значение» [6, с. 128].

Японский историк Куно Еси признает: «В 1766 г. Россия распространила свою власть на Итуруп — самый большой из Курильских островов... В 1785 г. в результате официального обследования сегунского (сегун — верховный правитель Японии. — *В. А.*) правительства было установлено, что русские создали свои поселения на Урупе, Итурупе и на других Курильских островах» [7, с. 501]. Об этом же свидетельствовал и Кондо Морисигэ, который в 1804 г. в своем сочинении «Исследование пограничных районов и их карты» отмечал, что «в 1768 г. красноволосые (так в Японии называли русских. — *В. А.*) поставили на Южных Курильских островах столбы, вырезали на них название “Курилы”, стали взимать ясак с айнов» [8, с. 37].

В России еще во второй половине XVIII в. не вызывало сомнений, что все Курильские острова до самой Японии, то есть включая Южные Курилы, являются российскими владениями. Сегодня не стоял бы вопрос о притязаниях

Японии на «северные территории», иначе могла бы сложиться судьба Русской Америки, да и Камчатки тоже, на семьдесят лет раньше могло начаться освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина, если бы был исполнен указ Екатерины II от 22 декабря 1786 г. [9, с. 232].

Это был указ об организации первой русской кругосветной экспедиции, целью которой было закрепление прав России на все земли на берегах Тихого океана, открытые русскими людьми. Поводом к этому указу послужила записка Екатерине II президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел графа А. А. Безбородко о необходимости объявить морским державам о правах России на острова и земли в Тихом океане: «Северо-западный берег Америки с островами, около онаго находящимися, и другими грядями, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями...

Но как по общепринятому правилу на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставили на оной свой знак... в чем и все доказательства права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

...4-е. Гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном» [9, с. 229].

Поводом для написания этой записки послужило объявление Дж. Куком владениями английского короля ряда территорий в Америке, открытых ранее В. Й. Берингом и А. И. Чириковым. К тому же в Петербурге стало известно об отправке в 1786 г. кругосветной экспедиции Лаперуза. Еще не было известно, что в том же году Япония впервые предъявила свои претензии на Южные Курилы, направив туда экспедицию Могами Токунаи.

Далее авторы записки предлагают: «...по мнению нашему, чтобы о присвоении Россиию тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими» [9, с. 229].

На это предложение Екатерина II в тот же день, 22 декабря 1786 г., издала соответствующий указ Коллегии иностранных дел [9, с. 232].

Но поскольку одного такого объявления недостаточно, Воронцов и Безбородко предложили завести в русских тихоокеанских владениях несколько военных морских судов, для чего «отправить из Балтийского моря два вооруженных небольших судна, подобныя употребленным капитаном Куком, а при них две вооруженных морския шлюбки... коим и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль... иттить на Камчатку...

Сии суда, пришед к северному краю Японии, могут, разделясь на двое, приступить к новейшим открытиям... Первая из сих флотилий может обстоятельнее осмотреть острова, от Японии к Курильской Лопатке простирающиеся...» [9, с. 231].

Предложения Воронцова и Безбородко легли в основу указа Екатерины II об отправке военной эскадры в Тихий океан для охраны российских владений и наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой русской кругосветной экспедиции, которым был назначен капитан 1-го ранга Г. И. Муловский. Главной целью экспедиции было «утверждение российского права на все донныне учиненные российскими мореплавателями или вновь учиненными быть могущие открытия» [10, с. 183].

Для этого было изготовлено двести чугунных гербов с надписью на русском и латинском языках «Земля Российского владения», которые предписывалось укрепить на крестах или столбах на возвышенных местах или «по утесам, выдолбив гнездо», 1 700 золотых, серебряных и медных медалей, которые следовало зарыть в землю, вложив к каменный засмоленный сосуд с запиской, когда и кем из российских мореплавателей данная земля открыта. Часть медалей предписывалось вручать знатным аборигенам для ношения на шее как представителям российской власти.

В случае обнаружения иностранных пришельцев в русских владениях предписывалось принудить их «по праву первее учиненных открытий к Российской державе принадлежащих мест, наискорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать; а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев... В случае же сопротивления... употребить вам силу оружия...» [10, с. 184—185].

Кстати, именно так поступили на Южном Сахалине, Кунашире и Итурупу двадцать лет спустя командиры российских судов «Юнона» и «Авось» Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, которые по приказу главы Российско-Американской компании Н. П. Резанова уничтожили на этих островах японские военные крепости.

В отношении же туземцев предписывалось «...должно быть первое старание посеять в них хорошее понятие об россиянах... Весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но даже за какие-либо со стороны звериные поступки отщущения» [10, с. 185].

Ученый отряд экспедиции был весьма авторитетен. Его возглавлял академик П. Паллас, а входили в него известные ученые того времени: астроном У. Бейли (участник третьего плавания Дж. Кука), естествоиспытатель Г. Форстер, ботаник Соммеринг и другие.

Г. И. Муловскому была дана подробная инструкция по описанию Курильских островов: «Чтоб назначил истинное положение и описал состояние по-

луденнейших Курильских островов и острова Матмая (Хоккайдо. — В. А.). Обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владению Российского государства... осмотреть берега, заливы, гавани, описать их состояние, местоположение, качество земли, леса и другие произведения, изобилие или недостаток пресной воды... Наиболее примечать должно, нет ли хорошей гавани и удобного места для заложения крепости и селения, для хлебопашества и скотоводства и есть ли тут довольно пресной воды и лесу для построения и починки впредь морских судов» [9, с. 273]. Кстати, почти дословно такая же инструкция была дана участнику Второй Камчатской экспедиции М. П. Шпанбергу почти за полвека до этого.

Экспедиции Г. И. Муловского предписывалось также обследовать остров Сахалин и устье Амура.

4 октября 1787 г. пять кораблей Муловского с пятьюстами членами экипажей в полной готовности к отплытию встали на кронштадтском рейде. Но срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией перечеркнула все планы и труды. Лишь через шестнадцать лет состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна, но перед ней стояли более скромные задачи, и участвовали лишь два корабля.

Так кто же и когда «учинил первое открытие» Курильских островов? По японской версии самурай Мураками Хиронори из княжества Мацумаэ в 1635—1644 гг. посетил Южный Сахалин и, предположительно, остров Кунашир и даже составил чертеж островов к северу от Эдзо (так в Японии называли остров Хоккайдо) [3, с. 345]. Но в мире об этом открытии стало известно лишь через триста лет. В Европе первые сведения о наличии островов к северу от Японии были получены в те же годы. В 1643 г. с острова Ява отправился на поиски мифических «золотых» и «серебряных» островов голландский мореплаватель Мартин Горритс де Фриз на корабле «Кастрику». Он видел три курильских острова: Кунашир, который он принял за продолжение острова Хоккайдо, Итуруп и Уруп. Последние два он положил на карту под названиями «Земля Штатов» (в честь Нидерландских Штатов) и «Земля Компании» (в честь голландской Ост-Индской компании) [11, с. 33].

Де Фриз не мог знать, что эти острова являются частью гряды, протянувшейся от Японии до Камчатки. Но в честь этого открытия пролив между островами Уруп и Итуруп носит имя Фриза. Позднее здесь побывал португальский мореплаватель Жуан де Гама, который на целое столетие ввел в заблуждение ученый мир, нанеся на карту к северо-востоку от Японии таинственную «Землю Гамы». Многие, включая Петра I, считали, что де Гама видел западный берег Америки, и только плавание В. Й. Беринга в 1741 г. доказало, что никакой «Земли Гамы» не существует.

Первые достоверные сведения о Курильских островах мир получил лишь от русских исследователей в начале XVIII в. Русские впервые появились на берегах Тихого океана в 1639 г. Это был отряд Ивана Москвитина, вышедший к Охотскому морю. В 1640—1650-е гг. по Амуру прошли до его устья и, возможно, видели остров Сахалин отряды Василия Пояркова, Ерофея Хабарова и Ивана Нагибы. В 1648 г., обогнув Чукотский полуостров, в Беринговом море плавали кочи Семена Дежнева и Федота Попова.

Первое документальное упоминание о Курильских островах появилось 10 февраля 1701 г. В этот день в Москве в Сибирском приказе была записана вторая «Скаска» Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697—1699 гг. Южную часть Камчатки Атласов называет Курильской землей, так как в то время здесь жили курильцы (так русские называли айнов). Реку Озерную, вытекающую из Курильского озера, Атласов называет Первой Курильской рекой.

«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы (то есть курильцы. — *В. А.*) сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцам приходит ценая посуда и платье даб полосатых (даба — хлопчатобумажная ткань. — *В. А.*) и пестрых китаек и лензовые азямы (халаты. — *В. А.*)» [5, с. 110]. То есть, камчатским курильцам было известно, что острова от Камчатки тянулись до Японии, где есть каменные города и живут люди под властью царя, и оттуда к ним приходила различная одежда и посуда.

Атласов привез с Камчатки японца Денбея Татэкава, найденного на реке Иче. Петр I расспрашивал Денбея в Преображенском под Москвой в январе 1702 г., и тот показал, что «а наперед де сего в Курильскую и Камчадальскую землю из их Японские земли никто не ездывал» [5, с. 504].

По поручению Петра I Сибирский приказ в том же 1702 г. повелел Якутской воеводской канцелярии «проведывать острова близ Камчатки» и путь в Японию. В 1706 г. на мысе Лопатка побывал сборщик ясака Михайло Наседкин и видел «в море за переливами земля, а проведывать де той земли не на чем. Судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет, и снастей и якорей взять негде» [11, с. 26].

9 сентября 1710 г. якутский воевода Д. А. Траурнихт, узнав о походе М. Наседкина, приказал построить суда и послать их для обследования острова против Камчадальского носа, а его жителей привести в русское подданство, взять с них ясак, «и той земле учинить особый чертеж» [11, с. 26].

Первооткрытием Курильских островов принято считать 26 сентября 1711 г., когда была написана челобитная Петру I от имени Данилы Яковлевича Анциферова и Ивана Петровича Козыревского об их походе с Большой реки на острова против Камчадальского Носу (мыса Лопатки). Они посетили два

острова — Шумшу и Парамушир, описывают их жителей. Жители второго острова рассказали, что они промышляют бобров (каланов), «и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары...» [12, с. 33]. То есть жители второго острова рассказывали о своей торговле с жителями южных островов. В той же челобитной Анциферов и Козыревский со слов «апонского государства жителей», отбитых в 1710 г. у камчадалов на реке Жупановой, сообщают о том, что земли, которые они видели со второго острова в полуденной (южной) стороне, находятся «близ де Матмайского города и Апонского государства» и обещали царю проведать эти земли.

Первые достоверные сведения о всей Курильской гряде, об острове Матмае и самой Японии собрал И. П. Козыревский (Д. Я. Анциферов погиб на реке Аваче в начале 1712 г.) во время второго похода на северные Курильские острова в 1713 г. Позднее Козыревский составил «Чертеж Камчадальского Носу и морским островам», который в 1726 г. передал В. Й. Берингу в Якутске, где произошла их встреча. На чертеже Козыревский изобразил восемнадцать Курильских островов в порядке их очередности от Камчатки до Матмайского острова (Хоккайдо), приводит их айньские названия, сохранившиеся, в основном, до наших дней, и сообщает основные сведения о каждом из них.

Сам Козыревский посетил лишь три северных острова. Сведения об остальных сообщил ему плененный на Парамушире уроженец острова Итуруп Шитанай, а о Японии — японец Санимо, отбитый в 1710 г. на реке Жупановой у камчадалов.

Нас интересует, что же поведал Козыревский о «северных территориях». Об островах Малой Курильской гряды ему ничего не было известно, а об Итурупе и Кунашире он пишет: «Остров Итурупу. Живут иноземцы, свой род званием гых курила... на сем острову людей многое число и язык, и вера своя, и всякие звери — и лесные медведи и другие, и всякой лес большой, и реки, и на устьях у рек отстои морским судам можно быть. А по показанным островам (то есть от Камчатки до Итурупа) лесов больших и рек, и добрых отстоев большим судам нет до сего острова. А к воинскому делу жестоки: поступают о трех же боях, что и на первых островах (имеются в виду три вида оружия: луки со стрелами, копья и сабли. — *В. А.*), но токмо жесточае и искуснее. А на разговор (переговоры. — *В. А.*) больше даются...

Остров Кунашир. Живут иноземцы те ж, что и на Итурупе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайский остров ходят... и с Матмайского к ним приходят с городскими (промышленными. — *В. А.*) товарами и торгуют... А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурпинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют

повольно. А с Кунашира на Матмайский остров о перелевной ширине не уведомился забвением.

На сих трех островах многое число Камчадальной земли уроженцов обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго. И называл... Шитанай на Нифоне острове (Хонсю. — *В. А.*) большого владетеля Камуй. И оной де Камуй матмайскому владетелю велит с нами повольно торговать, а ясаку де по вашему с нас не берут» [13, с. 50].

Тексты И. П. Козыревского к «Чертежу...» поражают разносторонностью сведений. В них указаны размеры островов, ширина проливов, приводятся сведения о населении, занятиях жителей, их языке, обычаях, торговле, религии, растительном и животном мире, реках, местах стоянки для морских судов и т. д. Козыревский сожалел, что «на вышеписанные острова за осенним поздним временем морского пути без больших судов и без мореходов, и без компасов, и без якорей и снастей, и без кормовых припасов, и без военного снаряду, и за малолюдством вперед итти было мне ни которым делом невозможно». По словам же курильцев, казаки «до японского первого города Матмая не доходили де за семь дней» [13, с. 28].

Главный же вывод Козыревского состоит в том, что на дальних островах люди «самовластные живут и не в подданстве».

После И. П. Козыревского исследованием Курильских островов по указу Петра I занималась первая государственная научная экспедиция, которую возглавили досрочно выпущенные из Морской академии геодезисты И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Это были первые русские морские офицеры на Тихом океане. Целью экспедиции было проверить, «сошлася ли Америка с Азией». В 1721 г. они прошли из Большерецка на судне «Охота» вдоль западных берегов Курильских островов до острова Симушир, положив на карту четырнадцать островов и составив чертеж остальных островов по расспросам курильцев.

В 1730 г. В. А. Шестаков совершил плавание на боте «Фортуна» из Большерецка до пятого Курильского острова и собрал на этих островах ясак, то есть привел их жителей в российское подданство. Но эти экспедиции не принесли никаких новых сведений о Южных Курилах.

Настоящее же первооткрытие Южных Курильских островов, включая Малую Курильскую гряду, совершили участники Второй Камчатской экспедиции. В ее составе был создан специальный морской отряд для поиска морского пути в Японию под командой капитана полковничьего ранга Мартына Петровича Шпанберга. М. П. Шпанберг, датчанин, на русской службе с 1720 г., был помощником В. Й. Беринга в Первой и Второй Камчатских экспедициях.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. предписывала Шпанбергу «построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель-

шлюпки... на тех судах... итти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного носу к Японии» [13, с. 145—146].

Если же на островах обнаружатся жители, то «буде же самоизвольно пожелают кто итти в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, и ничем не отягощать... Подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней... и какие где растут ли леса, к починке морских судов годныя... также... велеть осматривать, не найдутся ли где богатые металы и минералы» [13, с. 147].

Более определенно о целях отряда Шпанберга пишет обер-секретарь Сената И. К. Кирилов: «От Камчатки же до Японии... сыскивать новых земель и островов и неподвластных, сколько можно в подданство приводить... все острова до самой Японии подлинно никому не подвластные... — утверждает Кирилов. — Тож и о Ессе (так русские называли Эдзо — Хоккайдо. — В. А.) и названной земли Компании (Уруп) рассуждать надлежит, что все не может миновать российского владения...» [13, с. 154].

К сожалению, Шпанбергу не удалось полностью исполнить инструкцию — он не смог привести в подданство жителей южных островов, но смог их осмотреть, положить на карту, составить описание их жителей и убедиться в том, что эти острова и их жители неподвластны Японии. Всего Шпанберг совершил три плавания на Курильские острова — в 1738, 1739 и 1742 гг. В первом плавании участвовали три судна, но, выйдя из Большерецка, уже у ближних островов они потеряли друг друга из вида из-за густого тумана. Сам Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил» достиг 45° с. ш. (остров Итуруп), нанес на карту тридцать один остров — больше, чем их было на самом деле (Итуруп русские называли девятнадцатым островом). Объяснялось это тем, что разные части одного острова, открывавшиеся им среди тумана, принимались за отдельные острова. Шпанберг признает, что «на видимой нами земле... самобытно я не был».

До конца Курильской гряды в плавании 1738 г. дошел лейтенант В. Вальтон на дубель-шлюпке «Надежда». Дойдя до широты 43°19', он видел землю с высокими горами [13, с. 295—296]. Это был остров Хоккайдо. Вальтон нанес на карту двадцать шесть островов. В этом плавании русские моряки впервые прошли вдоль всей Большой Курильской гряды, впервые увидели и положили на карту самые южные острова — Итуруп и Кунашир, но никаких сведений об их природе и жителях они получить не смогли. Не видели они и островов Малой Курильской гряды.

Второе плавание в 1739 г. имело целью «изыскание пути в Японию». Впервые русские люди побывали в Японии, общались с японцами. Восемь моряков с бота «Св. Гавриил» посетили японское селение, где были доброжелательно встречены. На обратном пути и состоялось, наконец, первооткрытие Южных Курильских островов. Шпанберг сообщает об этом в ра-

порте в Адмиралтейств-коллегию 19 ноября 1739 г.: «...июля третьего числа дошли до ширины северной 44°24' к лежащим от японской земли островам, ис которых прозвали мы один Фигурной, другой Трех Сестр, третьей Цыдронной, а на которые румбы они лежат, значет оной компании по журналу и карте (журналы и карты плавания 1739 г. в Японию были получены в Петербурге уже в феврале 1740 г. В том же году французские и английские газеты сообщили о плавании русских моряков с Камчатки в Японию и об открытых ими островах к северу от Японии. — В. А.). А четвертого числа посылал шлюпку на реченной Фигурной остров (Шикотан. — В. А.) и на ней пробирных дел мастера Гордебола (Симона Гардеболя. — В. А.) для обыскания на том острове металов и менералов и с ним и служителей четырех, квартирмейстера одного да толмача, итого семь человек (это первое документальное свидетельство посещения Малой Курильской гряды иностранцами. — В. А.). С того острова привезли они жимолостнику, наподобие вереса, да слаткой травы, да виноградную ветвь с виноградными зелеными ягодами, да из разных цветов несколько. На том же острове нашли они в малых речках раковины, в которых находитца жемчюг... А лес на оном Фигурном острове растет большей березник, ольховник, еловой и пихтовник, довольное число, ис которого можно строить для нужды мелкия суда...» [13, с. 191].

6 июля Шпанберг посылал на тот же остров штурмана Матвея Петрова для обследования губы. Петров детально осмотрел губу и отметил, что в ней «глубокости воды от шести до двенадцати сажен... в длину две версты, в ширину одна верста, грунт во оной губе местами песок и черной ил, и от северных ветров на судах к якорному стоянию быть угодна». Шпанберг делает вывод: «И оная губа, по мнению моему, удобна быть наперво порту нашему, и ко отстою наших судов без всякого опасения» [13, с. 192].

Так что осмотр Шикотана был проведен С. Гардеболем и М. Петровым достаточно тщательно, в соответствии с требованиями инструкции Адмиралтейств-коллегии. Не были найдены только металлы и минералы и не удалось встретить аборигенов. М. Петров отыскал селение из пяти барабар (хижин), но их жители убежали вверх по реке.

«И лавировали мы по морю к западной стороне меж вышеозначенных островов. И седьмого числа того ж июля пришли ко островам в туманное время, и, как туман прочистился, усмотрели место низменное, гладкое и зеленое, на котором только растет трава, а лесу не имеетца, и для того назвали ево Зеленым (название острова Зеленый в Малой Курильской гряде к юго-западу от Шикотана сохранилось до наших дней. — В. А.). И посылали на него на шлюпке штурмана да подпорутчика, управляющего геодезискую должность... И оные усмотрели чрез инструмент: лежит оной остров в ширине 43° и 15'» [13, с. 122].

Далее Шпанберг описывает первую встречу русских моряков с аборигенами и приводит первое описание айнов южных островов, которых позднее русские стали называть «мохнатыми курильцами» или просто «мохнатыми».

«А от восьмого числа... пришли мы ко острову тамошнему, называется Нуцкам (видимо, один из островов Малой Курильской гряды. — *В. А.*), и усмотрели на нем жилые места... Ис с того жилого места приезжала к нашему судну байдара и на ней людей пять человек, и звали нас на берег, а сами они к нам на судно ехать не смели. И для того... послал я шлюпку к берегу и на ней мичмана Шхельтинга (Шельтинга. — *В. А.*) да солдат с толмачами двенадцать человек... И привес оной Шхельтинг на байдаре тамошних жителей к нам на судно восемь человек, которые сходны по персонам с курильским народом. И те жители носят долгое платье, порток и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов. По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великия, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сидиною белою как бороды, так и на теле волосы. Также у некоторых имеютца в ушах кольца серебряные. Лотки у них так же, как у наших курильских мужиков, — бойдары. Язык у оных жителей находит на курильской» [13, с. 192].

Прибывшие на судно айны сообщили Шпанбергу, что из всех островов «под властью епонского хана только один Матмай остров (видимо, они имели в виду княжество Мацумаэ, занимавшее небольшую территорию на южной оконечности острова Хоккайдо на берегу Сангарского пролива. Известно, что на остальной территории острова японцы стали распространять свою власть лишь с 1785 г., а до этого вели торговлю с айнами Хоккайдо и острова Кунашир, где в 1754 г. появилась японская торговая фактория. — *В. А.*), а прочие острова неподвласны... и что те все острова с Матмайским имеют торги великия разными товарами» [13, с. 192].

Далее Шпанберг сообщает: «А кругом того места имеется лежащих островов довольно (приводит названия двенадцати островов. — *В. А.*) и людей также, и на тех островах лесу, свежей воды, зверей, рыбы, ягод множество. И ежели повелено будет, то... можно большия и малья острова привести в подданство ея и. в. от 43-х и до 46°, а от 46° до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости» [13, с. 192].

Почему же Шпанберг не сделал этого сам, как предписывалось ему инструкцией Адмиралтейств-коллегии? Он объясняет это тем, что из-за «великих туманов и дождей» потерялись два судна — «Надежда» и бот «Большерецк», хотя непрестанно палили из пушек и били в барабан. На самом «Архангеле Михаиле» половина команды была больна, да и остальные «едва могли судном исправлять». Иначе приведение жителей Южных Курил в российское подданство, то есть первоосвоение островов, могло произойти на тридцать лет раньше, чем это случилось.

Шпанберг намеревался повторить плавание в следующем году для завершения исследования южных островов и приведения их жителей в подданство. Но ему было поручено обследовать юго-западное побережье Охотского моря, Сахалин и устье Амура. Лишь в 1742 г. Шпанберг смог вновь отправиться к дальним островам, но плавание оказалось неудачным — на двух судах обнаружилась течь и пришлось вернуться в Большерецк. А в 1743 г. деятельность Второй Камчатской экспедиции была прекращена.

Кстати, сама идея морского плавания в Японию и к дальним Курильским островам была предложена В. Й. Берингом по возвращении из Первой Камчатской экспедиции. В 1730 г. он представил в Сенат свои предложения по устройству жизни и быта населения Камчатки, в которых сообщал, что в 1729 г. близ Авачи были найдены японские вещи и «видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваем, что подлинно японского народу». Беринг предложил: «Надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю, и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла имеюцца острова, и не в дальном расстоянии остров от острова» [13, с. 96].

Во Второй Камчатской экспедиции, помимо морских отрядов В. Й. Беринга и М. П. Шпанберга, действовал отряд академиков Г. Ф. Миллера и А. Г. Гмелина, в задачу которого входило изучение истории, этнографии, природы Камчатки и сопредельных с ней земель. В составе отряда работали С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, А. П. Горланов и другие ученые. Сами академики до Камчатки не доехали, хотя С. П. Крашенинников построил для них дом в Большерецке, а ограничились сбором сведений о Камчатке и Курилах в Якутске. В результате Г. Ф. Миллер составил работу «География и устройство Камчатки, на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 г.» и передал ее С. П. Крашенинникову для руководства в его полевой работе. Работу Миллера завершал раздел «О соседних с Камчаткой странах», посвященный, в основном, описанию Курильских островов. Большинство сведений о Курилах, особенно о дальних островах, Матмае и Японии заимствованы у Козыревского.

Крашенинников использовал материалы Миллера в своем капитальном труде «Описание земли Камчатки», внося в них исправления и дополнения. Использовал он и материалы экспедиции М. П. Шпанберга и Г. В. Стеллера, который лично посетил ближние Курильские острова. В книге Крашенинникова есть главы «О Курильских островах», «О Курильском народе», где он приводит краткий словарь курильского языка.

Много сведений о Курильских островах приводится Крашенинниковым в рапортах, посылаемых им с Камчатки академику Миллеру в Якутск. Кроме того, им составлено «Описание Курильских островов по сказыванию куриль-

ских иноземцов и бывалых на оных островах служивых людей, сочиненные через студента Степана Крашенинникова» и написана работа «О курилах, живущих на Поромусир и Аннекута островах, которые от русских другим и третьим Курильском островом называются». Крашенинников дает очень подробное описание ближних островов, их природы, обычаев местных жителей. Сам Крашенинников на островах не был, но посылал туда в 1738 г. вместе со сборщиком ясака Андреем Фурманом помогавшего ему в метеорологических наблюдениях на Камчатке Степана Плишкина и толмача Михайло Лепехина с подробной инструкцией. Плишкин выполнил все задания Крашенинникова и привез с собой «с Курильских островов двух человек курильских мужиков для разговору».

«Через им привезенных Плишкиным иноземцов я их языка слова и спрашивал о их вере и обычаях, также спрашивал об островах дальних курильских, сколь они велики, какие на них места гористые или ровные, жилые или пустые и прочая. И сочинил реэстр зверям, птицам и рыбам, около островов находящимся» [14, с. 578].

Крашенинников признает, что опрошенные им курильцы сами дальше четвертого острова не бывали, и сведения о дальних островах он заимствовал у Миллера и Шпанберга. Он поправляет Миллера, что острова простираются не в южную сторону от Камчатки, а в юго-западную. Признается, что не может назвать точного количества островов: по известиям от дальних курильцев их двадцать два, включая Матмай, а по сведениям Шпанберга много больше. Вслед за Миллером Крашенинников повторяет ошибку Козыревского, поменяв местами острова Итуруп и Уруп, и утверждая, что самый большой из островов — Кунашир, а не Итуруп.

Интересны замечания Крашенинникова о том, что язык курильцев второго острова (Парамушир) и кунаширских жителей почти не различается. Об этом сообщил Г. Стеллеру курилец с Парамушира Липага, бывший толмачом в плавании Шпанберга. Отсюда он делает вывод, что жители Урупа и Итурупа говорят на том же языке. Крашенинников считал, что название народа «куриль» — это искаженное казаками камчадалское название айнов «куши». На самом деле название «куриль» происходит от айнского слова «куру» — человек.

Вот как описывает Крашенинников курильцев: «Сей народ ростом средней, волосами черен, лицом кругловат и смугол, но гораздо пригоже других народов. Бороды у них большие окладистые, тело мохнатое, в чем состоит знатная разность от камчадалов. Мужеский пол волосы наперед брее до самой верхушки, а назад растут, в чем с японцами имеют сходство... Они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, правдошны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг друга речи, как сидячие коряки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам...

Платье носят из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других морских зверей... распашное... шьют из чего прилучится, так что... редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была зделана... Питаются наиболее морскими зверями, а рыбы промышляют мало» [15, с. 179—184]. Детально описывает Крашенинников жилища, бытовые обряды и религию курильцев.

Многие сведения о Курильских островах Крашенинников заимствовал у Г. Стеллера, который посетил ближние острова в мае 1742 г. После смерти Стеллера в Тобольске в 1746 г. Академия наук поручила Крашенинникову работу с его бумагами. Крашенинников приводит слова Стеллера о жителях южных островов: «Государя над собою они не знают, хотя и не в дальнем расстоянии от Японии». Верно описывает Крашенинников путь японских товаров на ближние острова и на Камчатку. Японцы с Матмая доставляют свои товары на Кунашир, куда приезжают со своими товарами жители Итурупа и Урупа, и они привозят японские товары на своих байдарках на Парамушир.

Таким образом, в результате деятельности Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., материалы которой обобщил С. П. Крашенинников, было получено достаточно полное представление о всех островах Курильской гряды: все они положены на карту, определены координаты многих пунктов, получены сведения о жизни, быте, обычаях, хозяйстве, вере аборигенов, а главное, — русские посетили Южные Курильские острова и убедились, что они «неподвластны епонскому хану». Это открыло путь дальнейшему исследованию и освоению островов русскими.

В 1750 г. сын М. П. Шпанберга инженер-прапорщик Андрей Шпанберг, плававший с отцом в Японию в 1739 г., представил в Сенат рапорт с проектом приведения в российское подданство жителей открытых его отцом Южных Курильских островов и установления торговых отношений с Японией. Проект был поддержан, но по неизвестным причинам экспедиция не состоялась.

В 1752 г. около двухсот курильцев с острова Парамушир под предводительством Якрупа, боясь разорения от ясака, ушли на шестнадцатый остров Матуа. Этот род русские стали называть «сошлым». «Сошлые» вели торговлю с «мохнатыми» южных островов. Тойон (староста) Парамушира Сторожев дважды ездил к «сошлым», уговаривая их вернуться, но безуспешно.

Зато он побывал на всех южных островах до Матмая и привез описание «мохнатых» курильцев: «Они прородою весьма мохнаты; губы, руки и ноги для красы черною же краскою расписывают; платье у них японские азамы и из птичьих кож; в житии весьма необходимы; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, которому они оказывают честь и покорство, живет на двадцать первом острове (Кунашире. — В. А.)» [16, с. 118].

28 декабря 1753 г. вышел указ Сената «О возобновлении Камчатской экспедиции и изыскании через оную неизвестных мест и народов и склонении оных под высочайшую ея и. в. власть и в подданство» [9, с. 44].

Предполагалось построить порт в устье Амура, из которого проводить исследования в Тихом океане. Но из-за напряженных русско-китайских отношений и отказа китайского правительства в установлении судоходства по Амуру деятельность экспедиции была прекращена. Она ограничилась лишь исследованием верхних притоков Амура и вошла в историю под названием Нерчинской.

Новым толчком к изучению Курильских островов послужил выход в 1755 г. книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». В 1759 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, изучив рапорт А. М. Шпанберга, представил в Сенат записку «О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова» [9, с. 58—59]. В феврале 1761 г. он поручил главному командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов подполковнику Ф. Х. Пленеснеру (кстати, участнику плавания В. Й. Беринга в 1741 г.) более подробно разузнать о Курильских островах и предписал немедленно начать подготовку к плаваниям на Курилы [17, с. 38]. Пленеснер несколько раз снаряжал тойонов первого и второго Курильских островов к «мохнатым... для замечания всех подробностей о тамошних народах».

24 августа 1761 г. последовал указ Сената, разрешивший русским купцам вести промысел на Курильских островах (до этого посещать острова разрешалось только сборщикам ясака) [9, с. 58—59].

Одним из первых на дальние острова отправился в 1765 г. из Петропавловской гавани опытный мореход Андреян Толстых, только что (в 1760—1764 гг.) открывший центральные Алеутские острова, названные в его честь Андреяновскими. Когда судно А. Толстых «Петр» стало на якорь у Кунашира, «через четверть часа пригребли с этого острова к судну в одной курильской байдаре из тамошних людей одиннадцать человек роду называемых мохнатых курильцев, которых тела, руки и ноги мохнатые». Русские подарили им табак, который просили кунаширцы. Промысел был небогатый, и Толстых решил вернуться на зимовку в Петропавловскую гавань. Но из-за густого тумана «Петр» прошел мимо ворот Авачинской губы и разбился у Шипунского мыса. Из шестидесяти трех промышленников спаслись только три человека. А. Толстых среди них не было... [18, с. 88].

Неудачными были и плавания в 1768—1774 гг. И. Попова, Ив. Никонова, А. Сапожникова. Русские купцы-промышленники потеряли интерес к Курильским островам.

Одновременно продолжались и попытки камчатских властей собирать ясак с жителей дальних Курильских островов. В 1766 г. для сбора ясака, приведения в подданство населения, а также для «описания и разведывания тамош-

них жителей» командир Камчатки капитан И. С. Извеков послал на Курильские острова казачьего сотника И. Черного. В 1767—1768 гг. он приводил в подданство мохнатых курильцев, возвратил многих «сошлых», составил черновой журнал с описанием девятнадцати Курильских островов, включая Итуруп. Он был первым из русских, побывавших на этом острове. По возвращении с островов И. Черный был направлен в Иркутск для составления отчета, но по дороге заболел оспой и умер (в 1768 г. эпидемия оспы унесла половину населения Камчатки), не успев составить карту и оставив «тот журнал без надлежащего изъяснения».

Но и без этого «изъяснения» черновой журнал И. Черного представляет огромную ценность. Его можно поставить в один ряд с описаниями Курильских островов И. П. Козыревского и С. П. Крашенинникова. Он подробно рассматривает географию всех островов, кроме первого и второго (Шумшу и Парамушира, детально описанных Крашенинниковым), приводит их размеры и ширину проливов между ними, характеризует растительность, животный мир, реки, озера, бухты, примечательные горы, жителей и их занятия и т. д.

Вот что сообщает И. Черный об Итурупе — самом крупном из Курильских островов: «Девятнадцатый остров Эторпу в длину... верст с триста с прибавою». Он приводит сведения и об островах, до которых сам не дошел, но на которые плавали жители Итурупа. Сообщает, что в Аткис (бухта Аккеси на Хоккайдо) «приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на двадцатый остров (Кунашир. — *В. А.*) стало одно судно японское ходить (по японским сведениям, в 1754 г. на Кунашире появилась торговая фактория. — *В. А.*)... Живут японцы на тех островах судами (то есть не сходят на берег. — *В. А.*) месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов... А покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры» [9, с. 139].

И. Черный дает описание японского торгового судна со слов курильцев: «Суда против российских промышленных, кои они видали (видимо, судно «Петр» А. Толстых в 1765 г. — *В. А.*), не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по шестнадцати работных, да кроме их, первой, главный над всеми, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман. — *В. А.*), четвертой — толмач — тунчи и того двадцать человек, а на иных судах бывает людей и более» [9, с. 140].

Таким образом, И. Черный был первым, кто начал приведение в российское подданство жителей Южных Курильских островов, будучи официально послан с этой целью камчатскими властями. Ему удалось собрать ясак не только с жителей Итурупа, но и с нескольких жителей Кунашира, прибывших в это время на Итуруп. Поэтому 1768 г. можно считать началом перво-

освоения русскими Южных Курил. Японцы к этому времени лишь торговали с айнами на Хоккайдо и на Кунашире и не делали попыток распространить на них свою власть.

Указ Сената 1761 г. не привел к активному российскому промыслу на Южных Курилах. Промышленники обычно дальше восемнадцатого острова (Уруп) не плавали. Причина в том, что, как свидетельствует И. Черный, «по прочим островам уже бобров (каланов. — В. А.), кроме восемнадцатого острова, нигде не имеется» [9, с. 140].

Поэтому 28 ноября 1772 г. иркутский губернатор А. И. Бриль предписал главному камчатскому командиру М. К. Бему организовать экспедицию на дальние Курильские острова для их изучения, приведения жителей в русское подданство и установления торговых отношений с Японией [9, с. 142]. Бему предлагалось найти купцов, желающих организовать плавание на южные острова.

Организовать такую экспедицию за свой счет взялись предприимчивые купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов (позднее он вышел из дела). 3 марта 1775 г. последовал указ Большерецкой канцелярии об организации экспедиции [9, с. 143].

Руководителем экспедиции был назначен выпускник Иркутской школы японского языка, сибирский дворянин И. М. Антипин, а его помощником — ученик той же школы И. Очередин. Перед отходом судна «Св. Николай» из Петропавловской гавани в июне 1775 г. туда прибыл М. К. Бем и лично вручил И. М. Антипину подробную инструкцию, которой предписывалось «следовать под видом для звериных промыслов в предписанные Курильские острова, даже и до последнего двадцать второго, называемого Аткиса, а смотря по обстоятельству, и до японского Матмая... Старатца показанных дальних мохнатых курильцов... живущих донныне в своей воле, приводить в подданство е. и. в.» [9, с. 146].

24 июня 1775 г. Антипин и мореход Ф. Путинцов вышли из Петропавловской гавани прямо к восемнадцатому острову Уруп. Здесь Антипин рассчитывал перезимовать, а следующим летом продолжить плавание. Но вскоре после прибытия на Уруп судно разбилось о скалы во время шторма. Только два года спустя из Охотска пришло новое судно — бригантина «Св. Наталья» под командой штурмана М. Петушкова. Руководителем экспедиции вместо Антипина был назначен Дмитрий Шабалин. 31 мая 1778 г. Шабалин на трех байдарках отправился на Итуруп, Кунашир, Шикотан и в Аткис. Жителей этих островов он привел в подданство, а их «атаманов» (родовых старейшин) одарил подарочными вещами.

Шабалин подробно расспрашивал жителей этих островов, с кем они торгуют, какие есть еще земли, какое у них оружие, чем питаются, откуда получают необходимые товары. На Кунашире «атаманы» рассказывали Шабали-

ну, что к северу от них есть «земля, которую они называют Короска (речь идет о Сахалине. — *В. А.*), и людей на ней множество, и язык имеют один» [9, с. 165]. «И она земля в проезде и нам видна была», — пишет Шабалин, что маловероятно.

На Аткисе Шабалин пробыл шесть дней, с 19 по 24 июня 1778 г. В рапорте в канцелярию Охотского порта Шабалин называет Аткис двадцать вторым островом, но в описании к составленной им карте он правильно указал, что Аткис — место на острове Матмай.

Первые семнадцать островов описал И. М. Антипин. Участник плавания на Аткис в 1778 г. в качестве переводчика с японского языка унтер-офицер И. Очередин составил в том же году описание пяти дальних Курильских островов: с восемнадцатого по двадцать второй. Вот какую характеристику дает Очередин южным островам.

«18. Уруп, на котором бывають мохнатя курилцы с других островов, с девятнадцатого и двадцатого в апреле месяце для промыслу бобров, нерп, китов, а иногда и зимуют. Лес березняк, ольховник, камышник (бамбук. — *В. А.*), кедровник, сланец и прочей мелкой лес на оном бывает. Горящая горы и два озера. Остров длиною до ста пятидесяти верст, шириной до двадцати пяти верст.

19. Итуруп. На оном острове живут мохнатя курилцы. Лес такой же, как на восемнадцатом острове, а изредка есть и лиственницы. Морского зверя всякого довольно. В длину остров до трехсот верст, в ширину до двадцати пяти верст.

20. Кунашири. На оном острове живут мохнатя курилцы. Лес такой же, кроме лиственницы. Морского зверя всякого довольно, по берегам устрицы более фута. Кругом есть озера рыбны. В длину до ста тридцати верст в ширину до тридцати верст. На оной остров со временем приезжают в морских судах именуемых буса, японцы для торговли с курилцами и меняют всякаго зверя на японския мелочи.

21. Чикота (Шикотан. — *В. А.*), положен со скасок (то есть по рассказам, отсюда неверные сведения о размерах острова. — *В. А.*), длиною сто тридцать верст, шириною пятьдесят верст, на котором есть живущие мохнатя курилцы.

22. Назван островом Аткисом, а точно ж находится, что остров Матмай, а Аткис сим то место именуемое, где был ундер офицер и японский ученик Иван Очередин тогда, где видел японцев на бусах у мохнатых курилцов для торгу японских мелочей напитошное нерпичье и вялокое сало» [16, с. 129; 19, с. 178].

Кстати, в «Месяцеслове историческом и географическом на 1785 г.» опубликовано «Описание курильских островов», составленное секунд-майором М. Татариновым, где говорится, что, по словам японцев, потерпевших крушение у Камчатки в 1744 г. и живущих в Иркутске, «острова Аткис нет, а есть

на Матмае-острове место, именуемое Аткис, куда проезжают японцы для заготовления лесов на строение морских судов» [9, с. 355]. Здесь же происходила меновая торговля между японцами и «мохнатыми курильцами».

На Аткисе Шабалин застал японское судно «Танги-мару». Вместе с переводчиком Очерединым он дважды посетил японцев. Японцы, в свою очередь, навещали русских. Японцы рассказывали, что прибыли они из города Нагасаки, шли сюда пятнадцать дней. На встрече 21 июня Шабалин завел разговор о возможности установления торговых отношений между Россией и Японией. Но японцы отказались вести переговоры о торговле с русскими без разрешения своих властей. Они предложили Шабалину встретиться на следующий год в японской фактории на острове Кунашир.

2 августа 1778 г. Д. Шабалин прибыл в Охотск на бригантине «Св. Наталья», где получил разрешение от командира Охотского порта на продолжение переговоров с японцами. В начале октября 1778 г. «Св. Наталья» вновь прибыла на Уруп. Вновь прибыл и И. М. Антипин в качестве переводчика и представителя камчатской администрации «для привода мохнатых курильцев в подданство».

Перезимовав на Урупе, Шабалин, Антипин и штурман Путинцев 30 мая отправились на семи байдах с сорока пятью работными людьми на Кунашир, куда прибыли 19 июня, но японцев там не оказалось. Здесь же собрались с разных островов курильцы для торга с японцами. Прождав здесь японцев некоторое время, русские отправились в бухту Аткис на Хоккайдо. Но и сюда японское судно пришло лишь 26 августа. На судне прибыл японский чиновник — даикван. Он привез повеление матмайского начальника, чтобы русские впредь не ходили до Аткиса, так как здесь живут курильцы, с которыми японцы ведут торговлю. А 9 сентября состоялась встреча с вновь прибывшими тремя чиновниками из Матмая. Они отвергли предложение русских о торговле, заявив: «... наш Бог запрещает с русскими знакомиться и торговаться; а есть ли допустит матмайский начальник, то ему худо будет... В будущем же, если что понадобится, то посылайте с острова Уруп мохнатых курильцев, и мы с ними передадим вам потребное, а сами не ходите, ежели станите вперед ходить, то худо будет: мешать нам станите торговаться (имеется в виду торговля с курильцами. — В. А.)» [18, с. 94].

Так закончилась вторая попытка завязать торговые отношения России с Японией (первая — это плавание М. П. Шпанберга в Японию в 1739 г.). Японцы к тому же дали понять, что они не желают распространения влияния русских южнее острова Уруп. Отказ в торговле с русскими японские чиновники объяснили довольно примитивно: «... у нас товарного нет, кроме пшены и вина, и то употребляем в пути для продовольствия себя» [9, с. 197].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина 1775—1780 гг., несмотря на неудачу в установлении торговли с Японией, имела важное политическое

значение. Было выяснено, что в конце 70-х гг. XVIII в. княжество Мацумаэ еще не распространяло своего правления на север острова Хоккайдо, что подтверждает и японский историк Окамото Рюносукэ [9, с. 13]. А из Японской исторической энциклопедии 1964 г. и учебников по истории Японии того времени следует, что «до конца 60-х гг. XIX в. национальной территорией страны к северу от о-ва Хонсю являлась лишь узкая прибрежная полоса о-ва Хоккайдо, ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями айнских городищ — “тяси”» [5, с. 437].

На остальной территории японцы лишь вели торговлю с айнами. Такая же ситуация была и с Южными Курильскими островами. Уже упоминалось, что с 1754 г. появилась на этих островах лишь одна японская торговая фактория — на южном берегу Кунашира, — да и ту японцы посещали, видимо, не каждое лето (на зиму японцы не оставались в этих местах, о чем свидетельствует зимовавший в 1792—1793 гг. в Немуро на Хоккайдо руководитель третьей русской экспедиции для установления торговых отношений с Японией А. К. Лакеман [7, с. 457].

Знания японцев об островах были весьма скудными. И. М. Антипин приводит свой разговор 30 августа 1779 г. со старым японцем — переводчиком с языка айнов: «...я спрашивал наперво о островах: много ли у вас островов. На то сказал: что де мы знаем только четыре острова именами — Кунашир, Шигодан, Иторпу, да ваш восемнадцатый остров, называемый Уруп» [9, с. 190].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина завершила обращение в российское подданство жителей всех Южных Курильских островов и части северо-восточного побережья Хоккайдо. В общей сложности было объявлено 1 500 «мохнатых курильцев» (взрослых мужчин) [20, с. 123].

Антипин и Шабалин сумели восстановить с местными жителями добрые отношения, осложнившиеся после жестокого обращения с ними предшествующих сборщиков ясака, в том числе И. Черного. Многие курильцы были обращены в христианскую веру.

Можно сделать вывод, что первооткрытие русскими Южных Курильских островов состоялось в 1739 г. во время «отыскания морского пути в Японию» отрядом М. П. Шпанберга, а первоосвоение начато в 1768 г. экспедицией И. Черного и завершилось в 1778—1779 гг. экспедицией И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина. Все эти экспедиции отправлялись с Камчатки.

К сожалению, русские не смогли закрепить свое влияние и присутствие на южных островах в последующие годы. Посещение этих островов казаками и промышленниками прекратилось. Промышленников больше привлекали Алеутские острова и Аляска, богатые морским зверем. В 1790-е гг. Г. И. Шелихов предпринял неудачную попытку «завести Русь» на Курилах, но выбрал для этого опять же остров Уруп. Кроме того, промышленников напугало известие о страшном землетрясении 7 января 1780 г. на Урупе и цунами

18 июня 1780 г., когда погибли многие члены экспедиции Антипина — Шабалина и бригантина «Св. Наталья» (первое судно — «Св. Николай» — разбило о скалы в 1775 г.), а все жилища и постройки на Урупе были разрушены.

У камчатских казаков отпала необходимость посещать Южные Курилы после указа Екатерины II от 30 апреля 1779 г. Наградив организатора экспедиции 1775—1780 гг. П. С. Лебедева-Ласточкина медалью «За полезные обществу труды», императрица издала указ: «Приведенных в подданство на дальних Курильских островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать...» [9, с. 182].

Именно в эти годы, в середине 1780-х гг., когда русские перестали посещать Южные Курилы, началась японская экспансия на север Хоккайдо, а затем японцы обратили внимание на соседние острова. На мысе Носяппу, самой северо-восточной точке Хоккайдо, есть памятник японцам, погибшим в сражении с айнами в 1785 г. [21, с. 35]. На северном побережье появились японские гарнизоны, айнов стали привлекать к принудительным работам. Это отметил А. К. Лаксман, посетивший северный Хоккайдо в первые годы японской колонизации. Он сообщает, что в каждом селении «мохнатых курильцев» на побережье находились японские чиновники со служителями для сбора податей и торговцы. Но японцы жили здесь только летом. Японский чиновник сообщил Лаксману: «... всегда уезжаем нынешним временем (дело было в октябре. — В. А.) в Матмай, а сюда приходим с первыми судами в мае месяце» [7, с. 457].

Правда, в связи с прибытием русского судна с посольством, японцам пришлось остаться на зиму в Немуро и соседних селениях. Лаксман отмечает также, что курильцы были в полной зависимости от японцев и настолько ими запуганы, что не смели сами взять от русских мелкие подарки за услуги. При них всегда был японский надсмотрщик, который распределял эти подарки (обычно, табак) среди айнов. «Японцы с ними весьма поступали свирепо и все, что только курильцы промыслить могли, у них отбирали, даже... их к промыслу и ко всяким тяжким работам принуждали... Сверх того, рассказывали японцы, что мохнатые курильцы по северному берегу сего острова... верны, а далее против двадцатого острова (Кунашира. — В. А.), равно как и на западной стороне живущие, весьма непостоянны и сумнительны» [7, с. 459—460].

Но этой покорности айнов северного побережья японцы добились лишь в последние годы перед приходом русских: «788 года в мае месяце пришло японское судно с разными... товарами... Здешные и двадцатого острова курильцы, сговорясь между собою, сделали нападение и побили семьдесят пять человек японцев, а товары по себе разделили». Когда известие об этом дошло до княжества Мацумаэ, «был прислан из онога чиновник во ста пятидесяти

человеках для разбирательства и усмирения по делу сего бунта и, собравши тех курильцев... казнил начинщиков одного бунта и из их тойнов и старшин тридцать пять человек, коих головы... осоливши, увез в Матмай, а тела приказал разбросать...» Но и после этого, по словам японских служителей, «...курильцы в разных около здешних мест в пристанях и их стойбищах живущих по пяти и по семи, смотря по селению, оное число японских служителей побили» [7, с. 459].

В эти же годы японские власти начинают проявлять интерес и к ближним к Хоккайдо Курильским островам. В 1786—1787 гг. на Кунашире, Итуруп и даже Уруп побывала первая японская научная экспедиция во главе с Могами Токунаи. Были собраны подробные сведения об этих островах и составлена их карта. Кстати, на Итуруп М. Токунаи обнаружил поселение, где жили трое русских. По их словам, они жили здесь уже семь лет, то есть с 1779 г. Видимо, это были участники экспедиции Антипина — Шабалина. Старший из русских, Идзюё (возможно, Зуев) рассказал Токунаи, что они, примерно шестьдесят русских, прибыли на остров Уруп, чтобы заняться охотой и рыболовством, но в группе произошла ссора, и они перебрались на Итуруп.

М. Токунаи встречал на Итуруп православные кресты, многие айны молились на них, то есть были крещеными. Перед домом русских стояло трехметровое распятие, перед которым молились и курильцы. Подробно встречу Токунаи с русскими описывает японский историк С. Накамура в книге «Японцы и русские». Во время встречи (кстати, переводчиком между японцами и русскими был тойон из бухты Аккеси на Хоккайдо Икотои, служивший проводником у Токунаи) произошла любопытная дискуссия между Токунаи и Идзюё о принадлежности Южных Курильских островов. Приведем выдержки из этой дискуссии. По ним видно, с каким достоинством и как аргументированно отвергает простой русский промышленник заявления японского офицера о принадлежности Южных Курил Японии.

Токунаи: «Знаете ли вы, что японским правительством запрещен въезд иностранцев в страну?».

Идзюё: «Знаем. Однако здесь не Япония. Ни на Итуруп, ни на Уруп, кажется, нет никаких японских правительственных органов».

Токунаи: «Нельзя утверждать, что это не японская территория, исходя лишь из того, что здесь нет правительственных органов. В Японии есть почитаемое божество, и это божество управляет государством. Посмотрите на небеса. Именно золотой диск солнца, светящийся на небесах, является японским божеством. Одновременно с японской территорией оно создало северные острова (речь идет о богине солнца Аматаэрасу в синтоистской религии, потомками которой считаются императоры Японии. — В. А.)».

Идзюё: «Солнце — это не что иное, как светящийся круг, существующий во вселенной. Бог — это что-то особое, отличное от солнца, гор, рек, а путь

божественный нам указал Сын Божий Иисус Христос. Именно этот Бог проявляет к человечеству безграничную любовь. Даже жители этого острова в настоящее время верят в учение Иисуса...»

На следующий день, 6 мая 1786 г., дискуссия продолжилась.

Токунаи: «Вчера вечером вы сказали, что остров Итуруп и остров Уруп не являются японской территорией. В таком случае — это территория России?»

Идзюё: «Нет, пока еще не территория России. Хотя в ближайшем будущем, думаю, будет таковой».

Токунаи: «Айны, которые живут на этом острове, одного происхождения с айнами, проживающими на северо-востоке исконной японской территории, и еще много веков назад платили день императорскому двору и нередко удостоивались родовых титулов. Значит, то, что здесь проживает племя айнов, и означает, что этот остров относится к японской территории».

Идзюё: «Здесь даже спорить не о чем. Айны этого острова не считают себя подданными Японии, и на острове нет ни одного японца, который бы управлял этими айнами. Что касается острова Итуруп, то я никогда не слышал о том, чтобы хотя бы один японец побывал здесь. С тех пор, как тридцать лет назад у Итурупа потерпело крушение японское судно (имеется в виду рыболовное судно из Урага, префектура Канагава, выброшенное на берег Итурупа в 1756 г. [22, с. 74]), вы, по-видимому, впервые прибыли на этот остров. Даже если представить, что айны этого острова являются представителями японской нации, то сегодня это никакого значения уже не имеет. Япония сама отказалась от прав на владение этой территорией, и она стала русской, и этого вы не опротестуете ни перед Богом, ни перед людьми».

Токунаи: «Я являюсь уполномоченным японского правительства. Здесь сейчас же я объявляю, что остров Итуруп является территорией Японии».

Идзюё: «Можно провозглашать сколько угодно. Однако вопрос заключается не в провозглашении, а в реальной силе. Ведь уже Козыревский семьдесят с лишним лет тому назад, отправившись с Камчатки, высадился на острове Шумшу и обследовал затем северную часть Курильских островов. С того времени люди нашего государства каждый год приезжают сюда большими группами, и на островах Итуруп и Уруп уже давно построены русские поселения. Через несколько лет эти острова станут русскими».

У Токунаи аргументы закончились. «Взяв в левую руку большой меч, Токунаи встал и, пристально глядя в голубые глаза Идзюё, решительно сказал: “От имени японского правительства заявляю, что вы трое арестованы”» [22, с. 76].

Таким образом, экспедиция М. Токунаи совершила открытие Японией Южных Курильских островов в 1786 г., то есть на сорок семь лет позже М. П. Шпанберга. Но и оно было не полным. Токунаи не посещал острова Малой Курильской гряды. Кстати, сам Токунаи признавал, что он был первым японцем, посетившим Итуруп и Уруп.

Но и это открытие могло не состояться. Диктатор Танума Окицугу, правивший Японией в 1767—1786 гг., прочитал трактат врача из княжества Сендай Кудо Хэйскэ, написанный в 1783 г. Трактат назывался «Размышления о красноволосях Эдзо» (так японцы называли русских). Упомянув о посещении русскими Аккеси в 1778—1779 гг., он пишет: «Если мириться с тем, что происходит, то вся земля Эдзо станет русской территорией» [22, с. 70]. Танума встретился с автором и вскоре распорядился организовать экспедицию для обследования Эдзо. В 1787 г. после смерти сегуна Иэхару диктатор Танума был отстранен от власти, и работа экспедиции была приостановлена.

Некоторые зарубежные историки (японец С. Накамура, американец Д. Кин и другие) называют еще один повод возросшего в эти годы в Японии интереса к северным территориям — так называемое «предостережение Беньевского». Мориц Август Беньевский, руководитель «Большерецкого бунта» 1771 г., во время побега с Камчатки во Францию на галиоте «Св. Петр» трижды заходил в японские порты. В своих мемуарах он приводит письмо, направленное в голландскую факторию в Нагасаки с просьбой о помощи бегствующим беглецам с Камчатки. Но в голландских архивах хранятся шесть писем Беньевского, в том числе четвертое, получившее название «предостережение Беньевского». В нем говорится, что «... в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума и прилегающие к нему острова... намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады» [19, с. 145].

По мнению большинства историков, все письма Беньевского, кроме первого, — подделка. Голландия, имевшая монополию на торговлю с Японией, желала вызвать недоверие и подозрительность к России, считая ее своим конкурентом.

После экспедиции М. Токунаи Япония более десяти лет не делала попыток закрепиться на «северных территориях». Россия же пыталась это сделать дважды, но неудачно. Если бы состоялась кругосветная экспедиция Г. И. Муловского, то уже в 1788 г. Россия закрепила бы свои права на все острова к северу от Японии. К сожалению, две начавшиеся на западе войны — со Швецией и с Турцией — не позволили этого сделать. Вторую попытку в том же 1788 г. предприняли купцы-промышленники Г. И. Шелихов и братья Голиковы, основавшие в 1781 г. Северо-Восточную компанию. В 1788 г. они написали прошение Екатерине II с предложением построить гавань и крепость «на двадцать первом или двадцать втором острове для заведения торговли с Китаем и Япониею» [9, с. 251].

За год до своей смерти, 9 августа 1794 г., Г. И. Шелихов пишет о своих планах освоения Курильских островов: «...обязан я отправить из данных мне

хлебопашцов несколько семей на Курильской восемнадцатый остров, ибо и там было и есть мое намерение завести помаленьку Русь» [9, с. 329]. Судьба поселения, получившего название Курилороссия, сложилась трагически. В 1795 г. судно «Св. Алексей» с промышленниками и поселенцами-хлебопашцами, знающими кузнечное, слесарное и литейное дело, прибыло на остров Уруп, где на восточном берегу в бухте Тавано было основано поселение.

Поселенцы высеяли рожь, пшеницу, овес, горох и лен. Зерновые не вызрели, а горох и лен дали хороший урожай. Кстати, земледелием на Уруп пытались заниматься еще участники экспедиции Антипина — Шабалина. Руководитель поселения, или передовщик, Василий Звездочетов оказался жестоким и властным самодуром. Часть поселенцев он замучил до смерти, часть недовольных отправил на Камчатку. К концу 1790-х гг. в Курилороссии осталось двенадцать мужчин и три женщины. Когда в 1807 г. Уруп посетили лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов на «Юноне» и «Авось», они не застали здесь никого из русских. По некоторым сведениям, после смерти В. Звездочетова поселенцы переселились на остров Итуруп и прожили там около десяти лет, торгуя с японцами [9, с. 365]. По другим данным, семь человек сразу вернулись на Камчатку.

В 1828 г. на Уруп на том же месте служащий Российско-Американской компании мичман Этолин построил базу компании, где поселили алеутов с дальних Алеутских островов. Вторая Курилороссия просуществовала до 1877 г., когда ее жителей вывезли на Камчатку, так как Уруп и вся северная часть Курильских островов в 1875 г. оказалась под властью Японии.

Попытка Г. И. Шелихова «завести помаленьку Русь» на Курильских островах была последним шагом России в стремлении укрепиться на Южных Курилах. Создание Курилороссии ограничило японские аппетиты на севере островом Итуруп. В 1798 г. появились японские военные посты на Кунашире, а в 1800 г. — и на Итурупе. На Уруп распространить свою власть японцы не решились, хотя Токунаи в 1786 г. исследовал и его и считал Уруп, как и более южные острова, японским владением. И только наличие на Уруп возобновленной Этолиным Курилороссии привело к тому, что, подписывая Симодский договор в 1855 г., японцы на Уруп не претендовали.

Таким образом, исторический аргумент Японии в ее требовании возвращения «северных территорий» по праву японского приоритета в их открытии и освоении, несостоятелен. Русское первооткрытие Южных Курильских островов состоялось в 1739 г., на сорок семь лет раньше японского, а первоосвоение русскими этих островов началось на тридцать лет раньше японского. Для нас, жителей Камчатки, важно еще и то, что все русские экспедиции на Курильские острова начинались на Камчатке, и с 1711 по 1875 гг. острова находились в подчинении камчатской администрации. И в возвращении всей Курильской гряды в 1945 г. в состав нашего государства наибольший вклад

внесли камчатцы. Камчатский десант освобождал большую часть островов, понес огромные потери. Треть участников десанта не вернулась в Петропавловск, так как полегла на островах. Многие десантники умерли от ран в городских госпиталях.

Южные острова освобождал десант с Сахалина, который не встретил ни одного выстрела с японской стороны — японцы капитулировали, не желая повторить судьбу своих соотечественников на северных островах.

Даже переговоры с Японией о возвращении ей «северных территорий» в год шестидесятилетия их освобождения оскорбляют память о тысячах наших земляков-камчатцев, отдавших свои жизни за возвращение Курильских островов стране, которой они должны принадлежать по праву их первооткрытия.

ИСТОЧНИКИ

1. Аргументы и факты. — 2005. — № 15.
2. Камчатское время. — 2004. — 17 нояб.
3. *Бондаренко О.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.
4. Вести.— 2005. — 11 марта.
5. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
6. *Черевко К. Е.* Экономическое освоение Сахалина: история и современность // Проблемы Дальнего Востока. — 1979. — № 4.
7. *Головин В. М.* Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. — Хабаровск, 1972.
8. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. — М., 1960.
9. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1989.
10. *Финнов М.* Российского владения земля. — Южно-Сахалинск, 1989.
11. *Дивин В. А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971.
12. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1984.
14. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л., 1949.
15. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2 т. — СПб. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
16. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970.
17. *Сибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759—1772 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6.
18. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.
19. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далекой страны. — М., 1973.
20. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. — Южно-Сахалинск, 1982.
21. *Таксами Ч. М., Косарев В. Д.* Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. — М., 1990.
22. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.

**МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ КАМЧАТКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

В дореволюционное время здравоохранение Камчатки находилось в крайне неудовлетворительном состоянии: медперсонал области был небольшим и снабжался самым необходимым лишь эпизодически. Так, из отчета врача Семенова мы узнаем, что «все медицинское обслуживание населения ложится на низший персонал, на фельдшеров и сестер милосердия. Фельдшер и медсестра, отрезанные большую часть года от остальных районов, предоставлены самим себе, и только один раз заезжал к ним врач и снабжал медикаментами и перевязочными материалами» [1, с. 70].

Обеспеченность Камчатки медицинскими кадрами в 1912 г. характеризуют данные табл. 1.

Таблица 1

Уезды	Врачи	Фельдшеры	Повивальные бабки	Сестры милосердия
г. Петропавловск	2	2	1	4
Петропавловский	—	1	—	3
Охотский	—	2	1	1
Гижигинский	—	2	1	2
Анадырский	—	2	1	—
Командорский	—	2	—	—
Чукотский	—	1	—	—
Всего	2	12	4	10

Примечание. Данные РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 234, л. 52.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в здравоохранении области наблюдался недостаток медицинского персонала. Суровые климатические условия, отдаленность Камчатки от центральных районов страны, отсутствие благоустроенных медицинских учреждений и постоянной связи между ними, материальная необеспеченность не способствовали привлечению и закреплению медиков.

Таким образом, проблема обеспечения учреждений здравоохранения Камчатки медицинскими кадрами существовала еще до событий октября 1917 г. Ниже рассмотрены пути ее решения, предпринимавшиеся в советский период.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сложность политической и экономической обстановки на Дальнем Востоке, в частности на Камчатке, в период 1917—1922 гг. отодвинула решение вопросов медицинского обслуживания, в том числе кадрового обеспечения,

на будущее. Многие медики не работали по специальности ввиду их востребованности новой властью на управленческих должностях. Так, фельдшер В. Ц. Пересвет-Салтан занимал должность Камчатского губернского прокурора, фельдшер Лукашевский — заведующего губернским отделом труда, фельдшер Падашевский — председателя Анадырского уездного ревкома.

На проходившем с 12 марта по 7 апреля 1920 г. Первом Петропавловском уездном съезде Советов было принято постановление об образовании Комиссариата народного здоровья и ветеринарии. На должность комиссара заочно избрали фельдшера А. С. Лукашевского. К апрелю 1920 г. комиссариат был сформирован и приступил к работе.

Отношения между новой властью и медицинским персоналом Камчатки налаживались долго и сложно. На проходившем в октябре 1920 г. областном съезде Советов А. С. Лукашевский в отчете о своей работе указывал, что ей мешает борьба, разгоревшаяся между медиками и их руководством. Между комиссаром и медицинским персоналом назрел конфликт, который Камчатский областной Совет трудового народа вскоре разрешил следующим образом. Он постановил врача Ч. К. Щипчинского, наиболее активного противника начинаний А. С. Лукашевского, арестовать как объявленного съездом врага трудового народа, а остальных конфликтующих медработников уволить, лишив содержания и казенной квартиры.

Принимая такое жесткое решение, областной Совет оставлял без работы не только медицинский персонал, но лишал помощи население города, которое не осталось безучастным к такому повороту событий. Депутация женщин Петропавловска и ближних селений просила выпустить Ч. К. Щипчинского из-под ареста. Камчатский областной исполнительный комитет освободил врача, подчеркивая, что его профессиональные качества стоят выше политической работы. Позднее Ч. К. Щипчинский был назначен заведующим городской больницей. Уволенным медработникам, желавшим работать с А. С. Лукашевским, было предложено заняться врачебной практикой.

Таким образом, несмотря на различия во взглядах в деле организации медицинской помощи, медицинские работники и власть пришли к соглашению, «полагая, что только при дружной и совместной работе специалистов и власти, чего до сих пор на Камчатке не было ни при царизме, ни после него, медицинское дело в области будет поставлено на должную высоту» [2, с. 44].

На протяжении всего рассматриваемого периода медицинских работников на Камчатке не хватало. В 1919 г. из-за их отсутствия пришлось закрыть врачебные пункты в Тигиле и Ключах. По той же причине перестали действовать три фельдшерских пункта в Петропавловском уезде и один в поселке Ола Охотского уезда [3]. Анадырский и Чукотский уезды в 1920—1922 гг. не имели ни одного штатного фельдшера.

В марте 1921 г. председатель облнарревкома И. Е. Ларин отправил на имя В. И. Ленина телеграмму, в которой сообщал: «Как следствие экономического кризиса, в области закрылось много школ, медицинская помощь в жалком состоянии, нужны кадры учителей, врачей, фельдшеров» [4].

Безвыходное положение в здравоохранении, создавшееся из-за отсутствия медицинских кадров, не осталось незамеченным центральной властью. В ответ Малый Совет Народных Комиссаров предложил Сибобздраву (Сибирскому отделу здравоохранения) направить на полуостров врачей — выпускников учебных заведений 1921 г. — а также инструкторов для выяснения потребности в медицинском персонале и снабжении.

Шаги к обеспечению населения Камчатки медперсоналом предпринял Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав). Он обратился к правительству Дальневосточной республики (ДВР) с предложением отправить на Камчатку специалистов. Взамен них гарантировалось командирование Минздраву ДВР соответствующего числа медперсонала из находившегося в его распоряжении и оказание всяческого содействия лицам, посылаемым на Камчатку из РСФСР.

Сибобздраву было предложено немедленно выделить врачей и срочно направить их в Петропавловск. Но политические события в ДВР не позволили осуществить намеченные планы.

С 1920-х гг. медицинский персонал стал прибывать на Камчатку в основном по направлениям Наркомздрави, а с 1938 г. его сюда начинает отправлять и Крайздрав (Краевой отдел здравоохранения Хабаровского края, в который в 1938 г. вошла Камчатская область). Необходимо отметить, что кроме кадров, отправленных в плановом порядке отделами здравоохранения, пополнение шло врачами, заключавшими индивидуальные трудовые соглашения с Камчатским отделом здравоохранения, а также прибывавшими на полуостров по семейным обстоятельствам без направлений центральных или краевых отделов здравоохранения.

Приступивший в январе 1923 г. к исполнению обязанностей заведующего Дальневосточным отделом здравоохранения М. И. Барсуков застал печальную картину. На всю Дальневосточную область приходилось 349 врачей и 1 059 лекпомов (лекарских помощников). В 1923 г. из всех врачей, работавших на Дальнем Востоке, на Камчатке трудились лишь трое (все в Петропавловске), а из лекпомов — двое [1, с. 71, 73].

Отсутствие медперсонала, а, следовательно, и достаточной лечебной сети, заставляло население севера Камчатки, преимущественно коренное и, особенно, кочевое, обращаться за помощью к доморощенным медикам: знахарям и шаманам. Большая часть населения Усть-Камчатского района в 1924—1925 гг. была вынуждена лечиться у японских врачей и фельдшеров, находившихся на рыбоконсервных заводах. Медицинские услуги иностранных специа-